

ЯСМИНА САПФИР

4 КНИГИ

СБОРНИК

**«УБИТЬ
нельзя
научить»**

Ясмина Сапфир

Убить нельзя научить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68472724
2022

Аннотация

Сборник состоит из четырех самостоятельных романа по миру Перекрестья.

1. Убить нельзя научить

Согласилась преподавать физику в Академии Войны и Мира? Осторожней! Тебя ожидают неуправляемые студенты и невиданные расы. Придется тушить пожары, усмирять летучую мебель и сражаться с зелеными великанами. Но самая большая проблема – твой начальник воин-варвар, влюбленный в новую преподавательницу.

2. Убить нельзя научить. Заговор внушателей

Ты согласилась на стажировку в Академии Внушения и Наваждения? Осторожно! В царстве безалаберности и гламура придется бороться с видениями, вести следствие, вновь сражаться с зелеными великанами. Но все решаемо! Особенно если рядом любимый варвар, способный ради своей женщины рискнуть жизнью, раскрыть хитроумный заговор и отказаться от мужских принципов.

3. Убить нельзя научить. Спартакиада для варваров

Бег на переперченной местности? Гимнастика с художествами? Гонки с велосипедами в карманах? Только для вас и только в Академии Всего и Ничего – спортивные состязания! Сборная трех вузов перекрестий против команды злых колдунов! Чтобы победить, придется запастись чувством юмора и даже не мечтать о тишине и покое. Ведь для варвара спорт – это война, а война – тот же спорт! И если ты живешь и работаешь рядом с ним, то волей-неволей это придется принять. Но и в самых сложных обстоятельствах варвар сумеет спасти мир, защитить свою женщину и найти время для потехи.

4. Академия целителей. ДТП для варвара

Если неведомые шутники пообещали тебе погасить долг, не расслабляйся. Возможно, спустя пять минут ты окажешься пре подавателем в Академии целителей. Здесь всё шиворот-навыворот. Больных лечат энергией жизни, прогульщиков пугают безграничным исцелением, а руководят всем знаменитые врачи-варвары Айливерт Мастгури и его старший сын Димар, больше похожие на диких воинов, чем на врачей. Расстраиваться поздно, пора радоваться. Ведь мечта – широкоплечая, мускулистая – прилагается бонусом.

Рассказы

23 – зарисовки на тему праздников у землянок и варваров перекрестья

«Истинная дочь варвара» – три рассказа от лица восторженной героини цикла – Слаши Вольк.

Содержание

Убить нельзя научить	5
Пролог	5
1	16
2	39
3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ясмина Сапфир

Убить нельзя научить

Сборник

Убить нельзя научить

Пролог

В Академии Войны и Мира ничего не делалось по-человечески. Да и людей-то тут – по пальцам пересчитать.

Чтобы устроиться сюда на работу, достаточно устного согласия и прикосновения к руке ректора через... экран компьютера.

Но чтобы уволиться... не достаточно даже выхода в закрытое окно сотого этажа.

Проректор Вархар Изилади внимательно изучил мое заявление, вскинул голову и воззрился, будто впервые увидел. Этот до боли знакомый, испепеляющий взгляд начальника не сулил ничего хорошего.

Энергия света для Вархара такое же оружие, как палица или меч. Вокруг было слишком много солнца, настольных ламп, люстр, и это лишало надежды на безопасное увольне-

ние.

А при «небезопасном» меня с легкостью могли поджарить, шарахнуть током или сейфом по темечку.

– Ты шутишь? – процедил Вархар, нахмутив брови.

– Н-не-ет, – опасливо возразила я, отступив к двери.

Вархар нагнал меня в два шага. И проректорский кабинет, где развернулись бы сотни студентов, показался опасно тесным.

Красные пятна выступили на щеках начальника, как всегда, когда он злился. Заострились и без того рельефные скулы, квадратная челюсть выпятилась сильнее.

Я сделала еще два шага и больно натолкнулась плечом на массивную дверную ручку из бронзы.

Черт! Опять забыла, что Вархар – не человек, и ручка на его двери расположена удобно для скандра, но неприемлемо высоко для женщины среднего роста.

Я скривилась и отодвинулась, потирая ноющее плечо.

Начальник недобро усмехнулся, словно говоря «так тебе и надо». Шагнул навстречу и навис надо мной тяжелой громадиной.

Перед лицом замаячили богатырские грудные мышцы. Темно-салатовая футболка в обтяжку в моем представлении совсем не вязалась со строгими, свободными штанами проректора. На них даже стрелки были идеально отглажены. И уж совсем не вязалась она с темно-синим пиджаком в тон брюк, аккуратно повешенным на спинку рабочего крес-

ла Вархара.

– Ольга! – прыснул возмущением начальник. – Ты писала это в пьяном бреду или под наркотическими травами?

Пятерня, с три моих размером, ударилась в дверь в опасной близости от правого виска.

Я вздрогнула, и вторая ладонь Вархара гроыхнула в дверь возле левого виска.

Я вытянулась по струнке, как бравый солдат. Пульс не ускорился – зачастил как сумасшедший.

– Отвечай, женщина! Черт тебя возьми! В каком состоянии ты писала это заявление?! – красивое лицо скандра приблизилось, пятна на бледных щеках расплзлись и слились в пунцовый румянец. Три родинки над правой бровью приподнялись вместе с самой бровью.

Да черти его раздери! Я хочу уволиться! И написала все честно! И он преотлично это понимает. Просто придушивается. Придушивается в своей обычной вархаро-варварской манере. И как я только могла подумать, что проректор – нормальный мужчина? Наверное, сошла с ума, как моя бедная сестра!

Волна негодования бросилась в лицо нестерпимым жаром.

Под яростный стук сердца в ушах я выскользнула из-под руки Вархара и отскочила к дальней стене, махом обогнув тяжелый дубовый стол.

Такая невиданная прыть поразила не только меня. Про-

ректор замер, развернулся и ошарашено оглядел с ног до головы, словно искал пропеллер, как у Карлсона.

Нарочито спрятав руки в карманы широких черных брюк, я выставила вперед ногу и подбоченилась в отчаянном вызове проректору.

Вархар усмехнулся.

– Вот что мне нравится в тебе, женщина, так это упрямая негибамость. А теперь давай-ка трезво прочтем твое заявление. Может, кроме упорства, в тебе и мозги зашевелиятся? Ну так, для разнообразия-то?

Родинки над бровью Вархара, всегда напоминавшие мне о хвосте большой медведицы, приподнялись снова.

Проректор прокашлялся, расправил плечи и поставленным лекторским голосом зачитал:

– «Я, Ольга Зубрѳва, прошу уволить меня с должности заведующей кафедры управления энергиями огня и подвластных ему стихий, в связи с несоответствием занимаемой должности».

Я закивала так, что шея заныла.

Вархар усмехнулся, но продолжил тем же тоном:

– «Во-первых, я не соответствую должности Зевса-громовержца и ловца чужих молний. Хотя вынуждена исполнять ее ради умирения студентов и поддержания дисциплины».

Проректор приподнял бровь, и глаза его, цвета спелой вишни, засмеялись. Лучики морщин вокруг них, казалось, говорили об улыбке. Но полные, плотно сжатые губы Вар-

хара, бессовестно аккуратной и чувственной формы, оставались неподвижными.

Вдосталь посверлив во мне дырку взглядом, начальник едва слышно вздохнул и продолжил чтение.

– «Во-вторых, я не соответствую должности судьи на петушиных боях. Хотя вынуждена не менее регулярно и с риском для жизни занимать ее во время драк и склок повелителей электричества. А после, без передышки, во время драк и склок повелителей магнетизма. Что сразу подводит меня к третьей должности, которую я также не могу и не хочу занимать. К должности ловчего НЛЮ. И совершенно неважно, является ли это НЛЮ кнопкой, ручкой, часами или стулом, столом, шкафом».

Вархар метнул на меня взгляд. Теперь он лучился мальчишеским задором. Уголки губ начальника все же победили невозмутимую мину и дрогнули в едва сдерживаемой улыбке.

На лице проректора, жутко похожем на физиономии викингов, а то и скандинавских богов-воителей, прописалась недовольно-смешливая гримаса.

Еще бы! Вархар терпеть не мог, когда эмоции брали верх над волей.

Он помотал головой и вернулся к чтению.

– «В-пятых, я абсолютно и никак не соответствую должности доктора Хауса и песочного человечка в одном лице. И категорически отказываюсь впредь исцелять головную боль

магнетиков после очередной магнитной бури. Не говоря уже о том, чтобы укладывать их в постель».

Вархар задорно хохотнул, сильнее приподнял бровь, и расстояние между родинками увеличилось до ширины моего пальца.

Шея проректора напряглась – вздулись тугие жгуты мышц, проступили синие прожилки вен.

– «Я категорически и полностью отказываюсь исполнять роль предмета домогательств... проректора Вархара Изилади». – Взгляд начальника полоснул по мне лазером. – «Поскольку всегда считала любые отношения на работе неприемлемыми. А его ревность к моему аспиранту Максдрагару Лимбра считаю возмутительной. Недостойной истинного повелителя света и уважаемого проректора Академии».

«Уважаемый проректор» застыл, глядя на меня как лев на трепетную лань.

Дал секунды, может, минуту на понимание безнадежности собственного положения. И в один прыжок очутился рядом. Я почти решилась крепко выругаться, наступив на горло собственной интеллигентности. Все равно несчастная едва дышала и требовала срочной реанимации, как минимум, хорошей дозой классических пьес. Но Вархар спутал мои планы, а заодно и мысли. Снова ударил ладонями в стену у моих висков, наклонился к лицу и, касаясь носа своим, процедил:

– Вот что я скажу тебе, женщина! Я тебя не домогался. Я давал тебе понять, что лучшего мужчину тебе не найти. И

это правда. И не смей возражать! Если тебе нужны смазливые ухаживания и намотанные на кулак розовые сопли, ты их получишь. Но после этого Драгара найдут поджаренным под окнами твоей служебной квартиры.

Я задохнулась от возмущения, открыла рот, но проректор не дал и слова сказать.

– И я не позволю тебе уволиться! А без этого шиш ты попадешь обратно в свой мир. Съела? И самое главное, меня поражает твое безразличие к судьбе сестры! Думал, ты всю дорогу только о ней и печешься. Только ради нее сюда и приехала.

Толстый палец коснулся кончика моего носа. Дико захотелось цапнуть его, вот прямо впиться зубами и не отпускать. Но моя интеллигентность еще подавала слабые признаки жизни. Удерживала от такого презрения субординации и, что намного важнее, от «культурного падения». Хотя внутри так и бурлило негодование.

Да как он смеет! Тыкать мне судьбой Алисы! Я же знаю, что ничем ей здесь не помогут. Все лишь обманка, манок для глупой Ольги.

Вархар ухмыльнулся, словно прочел мои мысли, выпрямился и уже через секунду высился у окна.

Яркий солнечный свет обнимал его фигуру – ну шкаф ведь, не иначе.

– Я хочу уволиться! – голос предательски сорвался, и я раздражено всплеснула руками. – Домой хочу. Не верю, что

вы спасете сестру. Ничего вы для этого не сделали. Даже не сказали – как собираетесь лечить Алису. Одни обещания и туманные намеки на пленных крипсов... А остальное... просто достало. Меня все здесь достало!

В груди kloкотало, я едва сдерживалась.

Взгляд случайно упал на компьютер на рабочем столе Вархара. Системный блок, не больше спичечного коробка размером, вспыхнул. Пластик мягко просел, зашипел, запузырился и растекся лужицей, обнажив нанотехнологии чужого мира. Детально эти микросхемы и с микроскопом-то не рассмотришь.

С моего места они казались крошечной картой какой-то чудной местности, начертанной на желтом куске пластика красными и зелеными маркерами.

Вархар ухмыльнулся снова, и губы его растянула довольная улыбка мартовского кота.

– А теперь не уволю, пока не отработаешь, – загоготал он. – Более того! Сама купишь мне новый!

Я сжала кулаки так, что ладони отозвались болью, а суставы хрустнули. Начальника не впечатлило. Окутанный дымкой полуденного солнца, он казался еще больше в своей стихии, чем вчера, во время наших тренировок, стоивших мне так дорого.

– Я тебе не рабыня! – я безнадежно сорвалась на повышенные тона, поймав себя на типично женском взвизгивании. – Вы обещали спасти сестру! И ничегошеньки не сде-

лали по этому поводу! Водите меня за нос, рассказывая про эксперименты и пленных крипсов. Бред, да и только! Может ее там уже давно ввели в контролируемую кому... А я ни слухом, ни духом! И вообще в моем мире тебя давно привлекли бы за домогательство!

Пожар на моих щеках впору было тушить льдом. Воздух застревал в груди, словно загустел вязкой смолой. Я едва себя слышала. Сердце гроыхало в ушах, но хохот Вархара перекрывал этот звук и взвинчивал пульс еще сильнее.

Резко прервавшись, проректор снова подскочил вплотную. От удара ладоней возле висков, я вздрогнула опять, хотя пора бы привыкнуть.

– А в моем мире, – медленно, сквозь зубы процедил Вархар, – я забрал бы тебя домой, и ты даже пикнуть бы не посмела. Напротив, еще и гордилась бы тем, что такой, как я, выбрал тебя. А по поводу сестры... Если Езенграс что-то сказал, значит сделает. Сомнения тут неуместны. Неуместны в принципе и никогда! И если он сразу не объяснил – как будет проходить лечение, значит, так и надо. Значит, узнаешь позже. Прояви хотя бы толику терпения.

Его тяжелое дыхание было горячее моих щек.

Я замерла, с ужасом ожидая, что сделает начальник. Но он ухмыльнулся в своей фирменной манере. Секунда – и Вархар опять у окна, нежится в собственной стихии.

– Короче! – отчеканил проректор. – Заявление не принято. – Его пятерня с хрустом смяла плотный лист бумаги.

Небрежный взмах руки Вархара – и белый шарик упал ровно в центр мусорной корзины у самой двери. – Даю тебе двухдневный отпуск, который проведешь в академическом оздоровительном корпусе. А потом чтобы была на занятиях и прекратила дурацкие попытки от меня отделаться. Я не варвар, и не собираюсь насиловать тебя. Вернее, варвар. Но все равно не собираюсь.

Его низкий, грудной голос вибрацией отдался в теле.

– И ты примешь мои ухаживания, пока не выбрала другого мужчину! – резко выпалил Вархар. – Попробуй только отказать. Ты мало знакома с нашими обычаями. Я тебе покажу, что делают у меня на родине с ненужными соперниками. А твоего смазливового аспиранта иначе не назовешь. Носится за тобой как собачонка, смотрит в рот и еще невесть куда. Даже уточнять не хочу, куда именно, – проректор скользнул по моей груди и бедрам таким взглядом, что уточнений уже и не требовалось. – Спасение твоей сестры на повестке дня. Поэтому выбрось параноидальные мысли прочь. Они тебе всю голову портят! Я ясно выразился? Или остались сомнения? Возражения? Вопросы?

Смешинки поблескивали в глазах Вархара, но губы не улыбались. Проректор уселся на подоконнике, сложил руки на груди и уставился на меня исподлобья.

На долю секунды правый глаз блеснул небесной синевой и тут же снова окрасился вишневым.

Надежды договориться с Вархаром по-человечески не

оставалось. Хотя как можно договориться по-человечески с воинственным скандром?

Я развернулась и бросилась вон из кабинета. Только теперь ощутила, как налились свинцом плечи, как трясутся колени, не говоря уже о несчастных поджилках.

Мысленно прокляв Вархара и тот день, когда глупость и чувство вины толкнули согласиться на эту работу, я понуро побрела на выход.

Что ж. Слава богу, копия заявления осталась у секретаря проректора. Завизированная, как и полагается. И теперь я с чистой совестью могу отправиться к ректору. Он обещал вылечить сестру и ничегошеньки для этого не сделал. Так что пускай разрывает контракт и отправляет меня домой!

Я торопилась домой с покупками, в ужасе представляя, что выкинула сестра на сей раз. Было до чертиков страшно оставлять ее дома одну. Но сиделки категорически отказывались работать с «невестами зеленых великанов». Так называли теперь женщин с психическими отклонениями, как у Алисы.

Ранняя весна хорошей погодой не баловала. То приносила холода, то – сырость и слякоть. И уж если, в кои веки, выглядывало солнце, ураганный ветер сбивал с ног.

Крыльцо и лестница перед подъездом обледенели так, что хоть коньки надевай. Я пробиралась к железной двери, намертво вцепившись в перила.

Спасибо соседке с первого этажа, Маргарите Васильевне, за этот незатейливый, но неизменно бодрящий аттракцион.

– Оленька! Просто еще не застыло! – послышался из ближайшего окна ее виноватый голос. – Так получилось... Только я полила крыльцо и лестницу святой водой, как пришли гости. Ну, к хулиганам, с первого этажа. Грохнулись и так выругались... Пришлось в срочном порядке заново чистить ауру дома...

Я поспешила нырнуть в подъезд, под подозрительный звон сосуллек над головой. Их было столько, что козырек над дверью напоминал акулю челюсть.

Но баба Света с третьего этажа успела-таки посыпать меня кожурками от семечек. Они зашуршали на шапке и в вороте куртки. Бравая пенсионерка сутками грызла семечки у окна и выбрасывала шелуху в открытую форточку. Не глядя, но куда более метко, чем иной снайпер.

Я поспешила к импровизированному мусорному ведру, а на самом деле огромной картонной коробке, в углу первого этажа, под шеренгой почтовых ящиков. Из них, словно высунутые языки, торчали рекламные газеты с зазывными лозунгами: «Телевизор по цене утюга!». Под надписью, если присмотреться, мелким шрифтом пояснялось: «Размер диагонали 10 сантиметров». Я смахнула шелуху с шапки, растегнула куртку и вытряхнула все, что туда попало. Выгребла мусор, завалившийся в карманах и в пакетах, и метнулась к лифту.

И... столкнулась с Маратом, соседом с четвертого этажа. Брюнет средних лет, в элегантном черном пальто и начищенных до блеска ботинках, стоял как вкопанный и только дико вращал глазами. Из его коричневой кожаной беретки торчали, покачиваясь, две сосульки, очень похожие на рога.

– К домоуправу? – предложила я.

Сосед что-то невнятно промычал, но очень внятно закивал, позвякивая сосульками. Лифт гостеприимно распахнул двери, впустив нас в кабинку. На зеркале ярко-алой помадой было крайне точно подмечено: «Здесь живут люди». Я нажала на кнопку восьмого этажа, лифт истерично дернулся

и доставил нас к пункту назначения.

Дубовую дверь без опознавательных знаков открыл солидный бизнесмен с квадратной челюстью, абсолютно лысой головой и низкими надбровными дугами. Такие я не встречала даже в сокровищнице палеонтологического музея.

Домоуправ подтянул розовые семейные трусы и со скрежетом почесал волосатую грудь, отодвигая желтую майку-алкоголичку. Воззрился на нас без особого интереса, поковырял пальцем в золотых зубах – они внезапно снова вошли в моду, потеснив белоснежные протезы и коронки из суперпрочного пластика – и выдал:

– У нас в управлении все боятся высоты. Залезут на стрелянку сбивать сосульки, а спуститься не могут. А сосульки могут спуститься сами, – и он ткнул пальцем в ледяные рога Марата. – Кстати, сейчас очень модно украшать шляпы. Перья хорошо, а сосульки вообще креатив.

И пока мы судорожно моргали, переваривая сообщение, домоуправ радостно захлопнул дверь.

Я оставила Марата позвякивать сосульками и рванула назад, в лифт.

Скорее, домой.

Крики Алисы «Вот тебе, зеленый великан! Вот тебе! Получи!» вынудили оставить пакеты на тумбочке у входной двери и броситься в гостиную.

Ну да... очередная картина маслом... Сердце упало, на плечи словно бетонная плита навалилась...

Все это выглядело бы до ужаса комично, не будь так... грустно.

Сестра шарахалась по квартире, сжимая в руке банку консервированного горошка «Зеленый великан». Лупила ей по шкафам, стульям, креслам и подоконникам. На антикварной полированной мебели уже живого места не осталось. Белый деревянный подоконник испещряли занозы и вмятины. Только темно-коричневые кожаные кресла почти не пострадали. Их вдоль и поперек исполосовывали царапины, но кожа оказалась на редкость плотной и крепкой и продолжала стойко выдерживать удары судьбы.

– Алиса? – окликнула я и встретила совершенно безумный взгляд светло-карих глаз. Темно-каштановые волосы рассыпались по плечам сестры в художественном беспорядке. На скуластом, осунувшемся лице застыло выражение полной отрешенности. Но уже через минуту мелкие точеные черты перекосила гримаса ужаса.

Сестра уронила голову на грудь и очень тихо спросила:

– А кормить сегодня будут? Или только завтра? После родов зеленых человечков?

– Алиса, это я, Ольга, – попыталась дозваться я.

Сестра замерла и выпрямилась, словно шест проглотила. Немного помялась босыми ногами на бежевом пробковом полу и рывком задрала мешковатую розовую ночнушку, оголив ноги.

– Погоди, Оля, мне надо родить!

Алиса швырнула на пол банку зеленого горошка и с размаху села на нее.

Я уже намеревалась пойти на кухню, приготовить поесть, но сестра вскочила как ужаленная, схватила консервы и отправила в открытое окно с криком:

– Будьте вы прокляты! Вот вам ребенок!

Я бросилась к окну, чтобы оценить масштаб катастрофы.

В последний раз нам чуть не пришлось выплачивать соседу неустойку за разбитое лобовое стекло роскошной черной иномарки. Безумный вид Алисы и ее слезные просьбы: «Пожалуйста! Снимите ошейник! Мне больно...» – почему-то заставили владельца крупной фирмы пойти на попятный.

Но раз на раз не приходится...

Банка со свистом вспорола воздух и нацелилась прямо в голову нашего электрика. Он привычно отразил снаряд металлической сумкой с инструментами. Вскинул голову и взглянул на меня так, что уж лучше бы обругал матом.

...Четыре года назад Алиса пропала – вышла из дома в аптеку и не вернулась. Нашли ее спустя полтора года, совершенно невменяемой.

В отчаянии я рыдала ночи напролет и почти каждый день водила Алису по лучшим психиатрам. Постепенно докатилась до экстрасенсов, бабок и колдунов. Но все напрасно.

Психиатры вводили сестру в транс и прописывали горсти лекарств.

Бабки заставляли нас разбивать яйца и находили в них то

иглы, то гвозди, клятвенно заверяя, что все это «застряло» в голове у Алисы. «Заряжатели чудо-воды» часами танцевали вокруг сестры, делая невнятные пасы руками и позвякивая музыкой ветра.

Но с каждым днем Алисе становилось все хуже и хуже...

И вот я застыла посреди гостиной, глядя на сестру и понимая, что пора отдать ее в специальное заведение для «невест зеленых великанов». Так называли в нашем городе психиатрическую лечебницу, куда со всей страны свозили женщин с теми же галлюцинациями. В последние годы их становилось все больше и больше. И не только у нас, за рубежом тоже. Будто по миру шествовала какая-то ужасная эпидемия.

Медленно, как во сне, загрузила я продукты в холодильник и набрала телефон нашего психиатра.

– Забираем? – услышав мои всхлипывания, уточнил он. – Поверьте, ей так будет лучше, – начал уговаривать упавшим голосом. Но я-то понимала – лучше не будет.

Дождалась завершения длинного монолога о том, как замечательно ухаживают в больнице за «невестами зеленых великанов». Как им помогают не навредить ни себе, ни окружающим, как «социализируют», а на деле просто вынуждают общаться друг с другом... Выдавила из себя короткое «Я согласна!» и сбросила вызов.

Вернулась в комнату и застала Алису в кресле. Она обняла колени руками и уставилась в окно невидящим взглядом.

– Нам бы сходить, прогуляться, – предложила я нарочито

нейтральным тоном, но голос вздрагивал на каждом слове.

– Меня ведут на прогулку? В красную пустыню? – оживилась Алиса, поправляя несуществующий ошейник.

– Да, дорогая. Давай оденемся? – голос предательски срывался, в груди кололо. Но я поспешно надела на сестру темно-коричневую блузку и юбку – ее любимый выходной костюм. Бархат благородно переливался на свету. Черное кашемировое пальто повисло на Алисе мешком, узкие икры болтались в голенищах красивых кожаных сапог. Она очень похудела с тех пор как... пропала.

Алиса серьезно поправила темно-синюю вязаную шапку и решительно направилась к двери.

А там... там уже ждали санитары.

Я прыгнула в кресло, свернувшись в позе зародыша и замерла...

Тихо... как тихо... Беззвучие поселилось в трехкомнатной квартире. Только ветер шуршал бамбуковыми жалюзи на окнах, да тикали древние ходики на стене. Простенькие, круглые, серые, с банальными стрелками-карандашами, они прожили с нами бок о бок не одно десятилетие.

С нами...

Гулко билось в ушах сердце. Я сдалась, я от нее отказалась. Я...

Думать о случившемся не хватало моральных сил.

И я смалодушничала... Постаралась отключиться, перенаправить куда-то бешеный клубок эмоций, что бурлил

внутри. Провоцировал рвануть за сестрой. Отобратить ее у санитаров, отвезти назад, домой. А в следующую минуту толкал забиться в угол, застыть и ничего не делать. Ни-че-го...

Последние лучи закатного солнца лизнули стекла щербатых бежевых шкафов – наследие мамы.

Я переместилась за такой же деревянный стол, к своему рабочему и развлекательному месту – в интернет.

Спать невозможно, а думать о том, что происходит с сестрой, невыносимо.

Черный ноут послушно загрузил фан-сайт любимого сериала.

Алая заставка с несколькими полуголыми мачо по бокам падала как занавес в замедленной перемотке. Показалось название сериала, громадными черными буквами выведенное на шапке форума, и шикарные локоны роскошных мужчин по сторонам. Суровые лица с хитринками в глазах, плечи с буграми мускулов и торсы, от которых даже смайлики капали слюнями в чат.

В висках бешено пульсировало, голова напоминала чугунный котел – то, что надо для принятия судьбоносных решений.

И я пошла на абордаж. Сегодня я им все скажу! Терять уже нечего. Казалось – жизнь закончилась и впереди лишь череда унылых будней. Наполненных тоской по Алисе, жалостью к себе и бесприютным одиночеством. Мама умерла много лет назад, отца я никогда не знала. Алиса – была един-

ственной родственницей... Была. Вот оно, ключевое слово.

Прошлой ночью, когда сестра наконец-то уснула, я отступила перед атакой королев местного террариума единомышленниц. Грязной, витиеватой и местами не уступающей отборной брани пьяных десантников в их профессиональный праздник.

Но теперь меня прорвало.

Алая страничка отпрямчиво распростерлась на весь экран.

Внизу замигал еще тихий и спокойный желтенький чат.

«Привеет», – бляла одна из моих вчерашних оппоненток, «... вечера» – хвалилась словарным запасом другая, у третьей же вообще не нашлось слов. Под ее ником высыпали смайлики, улыбаясь гораздо безумней, чем моя сестра.

Эх! Держите.

И я набрала комментарий про любимую актрису здешних «заводит» с комплексом неполноценности и неполноценным знанием языка.

Растеклась мыслью по дереву, ни в чем себе не отказывая.

Про глазки-бусинки, про три волосинки на голове, про кривые зубы. Сильнее, чем обидела исполнительницу главной женской роли мать-природа, мне-то уж точно обидеть не под силу. И, конечно же, сдобрила смачное описание глубокими соболезнованиями актерам. Исполнителям главных мужских ролей: людей, вампиров и альфа-оборотней. Это же им приходилось падать и штабелями укладываться у корот-

ких, косолапых ног героини. Они, может, и в жизни упали бы ... От ужаса. Но должны-то млеть от любви! Сгорать от страсти! Томиться от желания!

Клик – и сообщение в чате.

Контрольным выстрелом я добавила к нему фотографию, которую бережно хранила уже много месяцев. Это была настоящая бомба! Даже Алиса, случайно увидев ее в моей папке, отшатнулась, на минуту совершенно пришла в себя и с ужасом воскликнула:

– Ее же могли взять только на роль Бабы-Яги! Без грима! Вон и зубы не все! И кожа дряблая! И прыщи как бородавки. А ноги? А талия?

Ненадолго в чате повисла гнетущая тишина. И затем пулеметно зачастили сообщения... Про меня, горе-преподшу с замашками королевы красоты. Про мою ненормальную сестру, которая рождает зеленых детей. А порой даже и консервные банки.

Черт меня дернул однажды, на эмоциях, поделиться горем!

Изрыгающие зеленую жижу смайлики, следовали за красными – с рожками и дьявольским хвостом. Их сменяли оскорбления, которые я уже читала через строчку.

«Лживая гадюка, которая втерлась в доверие к честным форумчанкам...», «вышедшая в тираж старуха, с ближайшей панели»... «Трольчиха с языком как помело...»

...И понеслась душа в рай...

Большого количества ругательств, чем излитые в мой адрес за эту ночь, нет даже в сокровищницах тетюшки Вики и дядюшки Гугла.

Все, кто за меня вступался и клятвенно удостоверял подлинность фотографии, тут же записывались в мои клоны. И не беда, что большинство из них выходили в интернет с других ай-пи, с других концов света. И не беда, что разговаривали они в совершенно ином стиле... А некоторые даже с акцентом...

Ближе к утру, глядя на покрытый гарью и копотью прямоугольник экрана ноута, я честила себя не хуже, чем фанатки.

Тоже мне, сверхчеловек! Индиго! Мне подвластны электричество и немного огонь. Могу силой мысли погасить пламя, сжечь электроприбор, ударить током. Правда, не сама — через розетку или какое-то устройство, зато от души, от сердца.

Слава богу, людям об этом пока неизвестно! Не то сидела бы в клетке, в какой-нибудь секретной лаборатории, демонстрируя способности за кусочек сахара, как дрессированная мартышка.

Человечество про индиго знало ничтожно мало, и мы делали все возможное, чтобы так и оставалось. Подтвердили долголетие и быструю регенерацию. А куда деваться, если в пятьдесят выглядишь на двадцать восемь? Некоторые светила науки предполагали, что индиго способны общаться друг с другом мысленно. И у кого-то из нас действительно полу-

чалось. Мне же хватало своих, «электрических» талантов и проблем, с ними связанных.

И ведь точно знала, мало того, тысячу раз проверила на личном опыте – распалиться за любимым компьютером опасно для здоровья, глупо и дорого.

Голубенький ноутбук почти не пострадал. Оплавилась клавиатура, обуглились внутренности, выгорел дотла экран. Мелочи жизни. Слава богу, записка всегда под рукой. Но обидно было до жути.

Я загрузила другой компьютер, закинула туда последние данные, статьи, фотографии и сонно побрела на кухню. Выпью чая и вырублюсь. Это был мой последний и решительный бой.

Старый знакомый, сисадмин Андрей – индиго и мой бессменный консультант – безмерно впечатлился «останками» предыдущего ноутбука. Даже через сутки на них можно было поджарить яичницу.

Если у меня что-то не работало, не открывалось, не сохранялось или не подключалось, я звонила Андрею с традиционным для «пожизненного чайника» вопросом:

– Что же дела-ать? Ничего не получается... Компьютер перезагружала трижды!

Андрей монотонным голосом человека, которому приятней общаться с нежными и душевными машинами, чем с резкими и нервными женщинами, отвечал:

– Сначала отойди от компьютера и отодвинь телефон от

уха.

И только после моего громкого «ага» детально объяснял, что делать, на каждый дополнительный вопрос тяжело вздыхая и цокая. «Ну, какие же эти пользователи тупые...» – так и слышалось в каждом звуке.

Следующей жертвой моей сегодняшней истеричности пала микроволновка. Вздумалось мне перед сном слегка перекусить. Некстати вспомнилось, что из-за событий вечера и ночи об ужине благополучно забыла.

Есть перед сном вредно... для фигуры. Но сегодня это оказалось намного вреднее для нашей почти новой белой микроволновки.

Она взорвалась фейерверком, распахнула обугленную дверцу и заплевала кухню остатками вареной картошки. Я так поняла – в качестве прощального подарка.

Я вздохнула и энергично смела все темно-синим моющим пылесосом. Из него повалило пламя, раздался негромкий «бумц», и пылесос затих, выбрасывая в воздух струйки сизого дыма. Слава богу, хоть картошку назад не изрыгнул.

М-да. Позавтракать не судьба. Пойду, что ли, прикорну. Во мне ожила надежда, что наконец-то удастся отключиться. Вечером и ночью эмоции плескались через край, и теперь, как водится, душу разрывала глухая пустота. Изможденность от сильных переживаний, яркие впечатления от виртуальных боев без правил перегрузили нервную систему. Она «подвисла», а хозяйка получила временную передышку.

И я почти добрела до своей кровати – большой, удобной, дубовой.

Но звонок скайпа – громкий и до жути противный, как мини-гудок парохода, заставил вернуться к компьютеру.

Что за черт?

Звонивший называл себя «Академия Войны и Мира».

К тому, что уже лет пятьдесят, где-то с начала двадцать первого века, все уважающие себя ПТУ величественно именовались Академиями, я давно привыкла. Гордая фраза «я закончил Академию по специальности сантехник, уборщик, слесарь» несколько не резала слух. Напротив – воспринималась совершенно естественно. Наверное, так и проявляется мудрость веков.

Индиго вечно молоды и живут бесконечно долго.

Когда-то я преподавала физику в одном крупном вузе, но в последние шестьдесят лет работала на дому. Виртуальным репетитором. А что? Удобно! Деньги хорошие, лично встречаться с подопечными нет нужды. И если они совсем не понимают ну никаких объяснений, а терпение готово лопнуть, всегда можно вырубить скайп. Потом, конечно же, цокать языком, качать головой и сокрушаться – какие ж пошли «жулики-провайдеры». И за что я им только плачу? Отключили на самом интересном месте!

Я собиралась помогать студентам и аспирантам решать сложные задачи, анализировать эксперименты, совершать научные открытия... Мечты... мечты... Вместо этого без

устали консультировала золотую молодежь с явными следами ночных гулянок и попок на лице. Тех, кто провел семестр, обучаясь «на дому». В клубах и на вечеринках познавал все прелести свободы от скучных занятий. А теперь, за два-три дня планировал не только подготовиться к экзамену, но и написать девять-десять рефератов.

Общаясь междометьями и нечленораздельными возгласами, эти мальчики и девочки из драгоценного металла понимали меня с седьмого-восьмого раза. Хотя объясняла я им всего лишь – как склепать рефераты и дипломы из многобитного богатства виртуальных развалов. Перед другими вариантами их «подготовки к сессии» даже моя наивность пасовала и выбрасывала белый флаг.

И вот смотрела я на страничку скайпа и думала – стоит ли поднять трубку.

Звонок прервался, и, казалось, проблема решилась сама собой. Но только я дернулась в сторону кровати, скайп будто бы опомнился и заголосил снова.

А она настырная, эта Академия. И почему-то категорически не хочет дать мне выспаться.

Я приняла вызов, и на экране появился мужчина лет сорока или чуть меньше. Что-то в нем было не так, но я никак не могла смекнуть – что же именно.

Возможно сочетание черных бровей и почти белоснежных волос, забранных в низкий хвост. Сразу стоило предположить, что, работая в Академии, сидят даже такие «му-

танты». Возможно, темно-оранжевые глаза, особенно яркие на фоне синей футболки. Сразу стоило предположить, что имею дело с инопланетной расой варваров-мутантов. Возможно, размеры – плечи «Академии войны и мира» не уместались в экран. Сразу стоило предположить, что эти варвары-мутанты даже не вооруженные ужасно опасны. Возможно, хищная улыбка, что осветила лицо «Академии», когда я, наконец, откликнулась на звонок. Мои «золотые ученики» уже заработали бы, как минимум, недержание.

Но ведь и я сейчас не лыком шита! Выскочив из-за угла, любого напугаю до икоты. Может, форумные девушки этого и добивались? Чтобы я внешне максимально приблизилась к их кумиру? И на собственной шкуре прочувствовала – как тяжело бедняжке без тонны штукатурки и литров помады? А они умнее и коварней, чем казались!

Нехотя включив видео со своей стороны, я с тоской оглядела рыжую женщину неопределенного возраста. Длинные волосы торчали во все стороны. Если бы фраза «я упала с самосвала, тормозила головой» уже не существовала, моя прическа вдохновила бы на ее создание непременно. Под красновато-карими глазами пролегли тени бессонной ночи и следы переживаний.

Отоспавшись, я могла похвастаться хотя бы белоснежной кожей – гладкой и молодой, как у всех индиго, сколько бы лет им ни стукнуло.

И все же новенькая видеокамера ноутбука придала мне

толику уверенности. Во всей красе показала мелкие, точечные черты лица и длинную шею над высокой грудью.

– Здравствуйте, Ольга, – растягивая слова, произнес мужчина на том конце скаяпа, вернув меня из раздумий в реальность. – Хотелось бы предложить вам работу.

Я кивнула скорее из любопытства, чем из заинтересованности. «Академия Войны и Мира» голосом Змия-искусителя продолжила:

– Нам очень бы пригодился ваш преподавательский опыт. Преподаватель, индиго, да еще со степенью – такая редкость.

Тут бы мне насторожиться, но дикая усталость и сонливость, отключили инстинкт самосохранения напрочь.

– Я понимаю, что вы давно не работали по специальности. Но это не беда, – слишком сахарно убеждал «Академия Войны и Мира». – Я, кстати, ректор. Зовут меня Езенграс Грискольти. Так вот. Мы предлагаем вам сразу и повышение, и жилье, и работу с лучшими студентами. Сегодня шестое сентября, учебный год только начался.

Я кивнула, уже по инерции. Без этого Езенграс замирал и улыбался. А долго выдержать его улыбку под силу, наверное, только слепому. Ректор замолк в ожидании какого-то другого ответа. Но на ум ничего не шло. Да и язык едва ворочался.

По счастью, Езенграс не отличался долготерпением и отличался догадливостью. Спустя несколько минут по моему компьютерному времени он прокашлялся и заявил:

– Если дадите согласие, в час дня за вами заедет наш во-

дитель, и отвезет на место работы. От вас мне достаточно только устного согласия. Договор скрепляется энергией индиго.

Езенграс так спокойно рассуждал об энергии индиго, что мой сонный инстинкт самосохранения наконец-то приоткрыл один глаз. Человеческие ученые узнали о нашей расе недавно. Рассказывали не иначе как с придыханием, а то и вовсе с суеверным трепетом. Но до полного пробуждения инстинкту было еще ой как далеко. И Езенграс немедленно воспользовался ситуацией.

– Я понимаю, вы привыкли сидеть дома, получать пенсию и подрабатывать в интернете. Но мы предлагаем вам большие горизонты, интересные научные открытия. И возможность снова работать среди живых... э-э-э...

Я ожидала слова «индиго» или хотя бы «людей», но Езенграс осекся, замолчал и заполнил паузу еще более широкой улыбкой, чем прежде. Мне сразу же вспомнилась акула из столичного океанариума. И ее улыбка показалась весьма и весьма очаровательной.

Я все никак не могла сообразить, что же делать. Согласиться и посмотреть что же это за чудная Академия с таким помпезным и слегка ненормальным названием? Или же наотрез отказаться, упасть в постель и отключиться?

Но Езенграс закинул тот самый крючок, на который я и клюнула, как глупая рыба на рыболовную снасть.

– Ольга, соглашайтесь. Вам у нас понравится. – Улыбать-

ся в обществе слабонервных и сердечников ректору категорически не стоило. А ведь у меня вегетососудистая дистония – частая проблема индиго. Стоит сильно перенервничать – сердце выпрыгивает из груди, в ушах грохочут барабаны. По счастью, после всего пережитого, нервная система почти не реагировала на раздражители. Наверное, даже на взрыв под окном, я лишь оглянулась бы и пожала плечами. – Ах да! Вот я растяпа! Забыл же самое главное! Мы можем помочь вашей сестре вернуть рассудок! В отличие от ваших врачей, у нас правда есть средство.

При этих словах в груди екнуло, я вздрогнула и словно очнулась ото сна.

Алиса...

В голове вихрем закружились воспоминания. Как она собиралась «на прогулку», как торопилась и... угодила в руки медбратьев. И все же картинка решительно не складывалась. Лучшие психиатры, экстрасенсы и прочие шарлатаны только и делали, что разводили руками, уверяя, что Алисе уже ничего не поможет. Не своей же улыбкой собрался лечить ее Езенграс? Клин клином?

Как обычно, в отчаянных обстоятельствах во мне проснулся неудержимый сарказм. Без него я не проработала бы столько лет в вузе и давно бы спятила, потеряв надежду вылечить сестру.

– А у вас, что, есть элитная психиатрическая лечебница при Академии? – с ехидцей спросила я.

– Уважаемая Ольга, – покачал головой Езенграс. – Неужели вы могли подумать, что я рискну обнадеживать вас просто так? Ну да, у нас есть новейшие научные методики. И они могут помочь.

Тот факт, что акулья улыбка сошла с его лица, почему-то внушил мне доверие.

– А почему бы тогда мне не приехать в ваше суперучебное заведение вместе с сестрой? – замаскировала я вопрос под сомнение.

– К сожалению, – Езенграс замялся и отвел взгляд. – у нас нет специализированных палат. И негде содержать таких больных в должных условиях. Зато наши медики со дня на день смогут использовать свою методу. И никаких лечебниц вашей сестре уже не понадобится!

Словно в каком-то оцепенении, дурмане выдавила я из себя:

– Если вы даете слово помочь сестре, согласна на все!

И вот «на все» было очень сильно лишним. Но поняла я это, увы, уже намного позже.

Езенграс быстро выпалил:

– Даю вам слово. Не будь я ректором. А теперь маленькая формальность.

Я почти насторожилась. Но сонный рассудок отмел настороженность, как лишнюю трату энергии.

– Просто приложите руку к экрану, – вкрадчиво попросил Езенграс. – Это и будет вашим официальным согласием. Так

сказать, подписью индиго.

Да что ж это за Академия такая? Где вместо личной подписи отпечатки пальцев используют? Даже не так. Отпечатки рук!

И снова инстинкты почти проснулись во мне, но сил на осмысление нелепости ситуации уже не оставалось.

Эх! Была не была! В конце концов, куплю себе новый ноут!

И я приложила руку к экрану. Езенграс быстро повторил жест и... произошло такое, что я даже взбодрилась.

Казалось, наши ладони соприкоснулись. Тепло чужой кожи было таким реальным... таким странным... таким непривычным...

Но прежде, чем я проверила свои ощущения, поверила в них, Езенграс кивнул и отключился.

* * *

Не помню, как умудрилась собрать вещи к часу дня. О желанном сне, конечно же, речи не шло. Я бродила по квартире, как вампир, злой, неведомой силой выброшенный из гроба задолго до заката. Пороги так и норовили коварно подставить подножки, стены и углы выскакивали отовсюду. Мебель кидалась наперерез.

Ровно в тринадцать ноль-ноль в дверь позвонили. 3-3-3... 3-3-3...3-3-3. Казалось, гостя парализовало, и он не может

оставить бедный звонок в покое. Я, кряхтя, выволокла чемоданы из квартиры. Чувствовала себя как несчастный грибок, что походя зацепил плечом пчелиный улей, спрятанный среди ветвей.

Только когда все три моих чемодана выстроились у двери, коренастый водитель отпустил несчастную кнопку звонка.

Короткий ершик темных волос, не менее темные глаза, широкое лицо с огромным горбатым носом делали его похожим на кавказца. Полное отсутствие эмоций на неподвижном лице – на робота, собранного по образу и подобию кавказца.

Без единого звука шофер подхватил пузатые чемоданы, с полчеловека размером, и понес так легко, словно это барсетки. Я закрыла дверь на все замки и заперла специальным ключом – он реагировал только на ДНК владелицы. Поставила квартиру на сигнализацию, и мы юркнули в лифт.

У подъезда ждал летучий микроавтобус, на магнитной подушке. Наши власти клятвенно заверяли, что вскоре такие машины заменят весь наземный транспорт.

Водитель все так же молча погрузил мои вещи в багажник и открыл дверь просторного салона.

Поездку скрасил огромный плазменный телевизор – его диагональ навскидку равнялась моему росту.

Под звуки мелодичной песни извивался известный поп-сопик, а вокруг мельтешила и подвывала стайка полуголых танцовщиц.

Спустя несколько минут я слегка расслабилась, и усталый организм тут же отказался подчиняться голосу разума. А разум твердил, что стоит понаблюдать – куда же меня везут? Может, Езенграс ест индиго на завтрак? Судя по улыбке ректора, такое исключать нельзя.

Может, я окажусь в другом городе и не смогу навещать Алису?

Но организм презрел доводы разума и прикорнул под мерное покачивание автобуса. И в этом была его роковая ошибка!

– Да ты рехнулся? Зачем нам тут еще одна баба? Студентки и Гандалия мне уже во где!

От оклика низким бархатистым голосом я вздрогнула, открыла глаза и нервно огляделась вокруг.

Автобус стоял, но как долго, я не имела ни малейшего понятия. Выводить «еще одну бабу» наружу никто не спешил. Паника накрутила пульс до невиданных высот. С трудом переводя дыхание, я прислушалась к голосам снаружи.

– А я сказал, будешь с ней работать! И попробуй возразить! Мигом вылетишь в трубу. Сизым голубем полетишь в свой захудалый мирок, воевать и грабить мирных горожан.

Я узнала голос ректора. Только приторных ноток в нем больше не было. Езенграс командовал как генерал на плацу.

Я опасливо выглянула в окно. Десятки розоватых добротных корпусов Академии походили то ли на рыцарскую крепость, то ли на средневековый музей. Соединяясь невысокими перешейками и мостиками-арками, они сливались в одну, монолитную, спиральную постройку-лабиринт. В таком можно плутать и плутать. Автобус подвез меня ближе к центральному кольцу лабиринта. Между корпусами змеились вымощенные бледно-серыми камнями дорожки. Перед зданиями раскинулись просторные, тоже мощенные площадки.

Вокруг них и по сторонам от дорожек тянулись зеленые стены из высоких, подстриженных кубиками кустарников.

Во внутренних двориках раскинулись садики с курчавыми деревцами и кустами, усыпанными цветами, как новогодняя елка – шарами.

Ветер с боевым свистом прорывался во все, даже самые крохотные щели автобуса, принося с собой запахи. Густой, хвойный лучше кофе прочищал голову, медово-пряная нотка цветочного нектара совсем не к месту расслабляла, разнеживала. По счастью, ее разрушительному действию на мою собранность и внимание мешал аромат свежескошенной травы.

– Мы воевали с воинами! – ворвался в мои наблюдения грубый возглас собеседника ректора. – Какого черта? Я не хочу работать с бабой! Она же... она же... она же... Баба! – похоже, худшего оскорбления для него просто не существовало.

Чтобы увидеть мужчин, мне пришлось бы высунуться в окно. А делать это почему-то категорически не хотелось.

– Сам ты баба! Раскудахтался, как курица. – Со мной ректор явно выбирал куда более интеллигентные выражения. – Она управляет электричеством, огнем и преподаватель от бога.

– Вот только от какого, – хмыкнул собеседник Езенгра-са. – Мне почему-то кажется, от бога Хаоса и разрушения. Имя ему женщина!

– Ну хоть уже не баба – женщина, – как-то слишком по-доброму ответил ректор и вдруг распорядился: – Встреть ее чин по чину. Все покажи и расскажи. И попробуй мне только душить! Я ведь предупредил! Вылетишь с такой скоростью, что зад... сам знаешь, что загорится.

Снаружи повисла напряженная тишина. Казалось, собеседник Езенграса переваривает приказ и вот-вот взорвется негодованием и возражениями. Но вместо этого дверь автобуса резко отъехала в сторону и с грохотом ударилась о борт.

– Выходите! – бросил мне верзила в пиджаке поверх зеленой футболки и слишком просторных, но дорогих и элегантных черных брюках.

Если бы не подслушанный в автобусе разговор, я назвала бы его почти красивым. Резкие, правильные черты, начальная улыбка мужчины, прекрасно осведомленного о своей привлекательности, и длинная русая коса за спиной. Такого трудно не заметить.

Я выпрыгнула наружу и оказалась неудобно близко к первому академическому встречному. Отступать хотя бы на шаг он и не думал.

Без малейшего стеснения уперся взглядом в мою грудь, скользнул ниже и даже чуть наклонил голову, оценивая округлости бедер.

Я давно занималась йогой. Начинала ради гибкости и силы. Но после исчезновения и возвращения Алисы «асаны» – единственное, что успокаивало и отвлекало от ужасов реаль-

ности. Зато фигуры своей я не стеснялась ни капли. В поездку бездумно надела узкие синие легинсы и облегающую голубую блузку, и поплатилась за это сполна.

Только раздев меня взглядом полностью, человек-гора соизволил взглянуть в глаза. Пришлось до боли в шее задрать голову, и он снисходительно наклонился.

Глаза цвета вишни уставились на меня, не мигая. Я заметила три родинки над правой бровью – каждая меньше предшественницы.

Наша немая сцена длилась еще некоторое время. Теперь первый академический встречный оценивал мое лицо, внимательно и почти придирчиво. Как коня покупал! Так и напрашивалось сравнение. Грешным делом подумалось, что вот сейчас он залезет ручищей мне в рот, проверяя и пересчитывая зубы.

Фу-фу-фу.

– Сегодня сможете выспаться, – проронил верзила спустя недолгое время. – Негоже портить такое личико бессонными ночами. Ты ничего, Ольга Зуброва. Я-то ожидал гораздо худшего, – поделился он с оттенком доверительности. – Какую-нибудь очкастую ботаничку. Суровую, но заплывшую где только можно. А ты... ты... ты... даже очень.

Он довольно ухмыльнулся, одарив меня, кажется, самым роскошным комплиментом из своей «богатой» кладовой.

– Простите, а вы кто? – попыталась я осадить нахала. Честно говоря, возмущение ушло как вода в песок, как толь-

ко верзила заикнулся про хороший сон.

– Я проректор по учебной и методической работе – Вархар Изилади, – кивнул верзила. – Твой непосредственный начальник.

– Ваш непосредственный начальник, – поправила его я.

Правая бровь верзилы приподнялась, увеличив расстояние между родинками.

– Короче! У нас все по-простому, привыкай, – рубанул Вархар. – Езенграс назначил тебя заведующей кафедрой управления энергией огня и подвластных ему стихий. Я провожу к месту жительства. Потом увидишь – где и что. Разберешься.

Не дожидаясь ответа, проректор вытащил из предусмотрительно открытого водителем багажника мои чемоданы. Закинул их на плечи легче, чем иной мужчина пустые сумки, и направился в сторону Академии.

Может, я еще сплю? Здание из огромных глыб розового камня поражало воображение красотой и монументальностью. Десятки стройных башенок с флюгерами в виде сфинксов, окошки с резными ставнями, бронзовые двери, с узорами и ручками в форме львиных голов. Академия выглядела сказочной, нереальной. А подключив астральное зрение, я едва не ахнула в массивную спину Вархара.

Академия буквально полыхала энергией, словно тут тысячи индиго и все самые сильные.

Пульс взвился до небес, одеревеневшие за время поездки

ноги вдруг сами собой запросились назад, к спасительному автобусу. Куда я попала?

Что за чертовщина?

– От тебя удивлением фонит за версту, – не поворачиваясь, проворчал Вархар. – Я думал, индиго быстрее соображают. Ты находишься на территории Академии на Перекрестье пяти миров. Пентаграммы, короче. Обучаем мы всяких чудиков, вроде тебя, меня и вообще нам подобных. Их тут пруд пруди. Работа не пыльная, но порой опасная. Сама знаешь – если нашего брата довести... У-ух! Небось, сама под горячую руку технику палила?

– Вы хотите сказать, что мы уже не на Земле? – я сама поразилась собственному спокойствию. Тут впору кричать «Караул! Везите меня назад! Положите туда, где взяли!», а я расспрашиваю Вархара так, словно ничего страшного и не случилось.

Так, мелочи жизни! Подумаешь, очутилась в месте, о котором слухом не слыхивали доктора географических наук моего мира! Подумаешь, тут армии сильных индиго, и они с риском для чужих жизней уничтожают все, что под руку попадется! Подумаешь, начальник больше похож на людоеда и сексуального маньяка в придачу!

– И да, и нет, – глубокомысленно изрек верзила. – Я ж сказал – пентаграмма. Часть Перекрестья на Земле, поэтому вы и приехали сюда так запросто. Остальные части – в других мирах. В моем, например.

Я вспомнила, как Езенграс грозился уволить Вархара и отправить в родной мир грабить города и села.

Улыбка napросилась на губы. Словно почувствовав ее спиной, проректор встал как вкопанный, резко развернулся, и я в задумчивости едва не боднула его в грудь.

По счастью, остановился Вархар вовсе не из-за нелепой усмешки очередной «бабы» в его «истинно мужской» и явно истинно варварской вотчине.

Я затормозила в опасной близости от проректора, шагнула назад, но он тут же сократил дистанцию до прежней. И усмехнулся почти также, как Езенграс по скайпу:

– Боишься меня? Или стесняешься? – спросил с хрипотцой в голосе. Вишневые глаза подозрительно блеснули.

– Еще чего! – возмутилась я, выпятив грудь. Это Вархару понравилось еще больше. Он уставился таким сальным, таким мутным взглядом, что я опешила. Негодование забилося в груди сумасшедшим пульсом. Но едва удалось выдохнуть лишний воздух и открыть рот, проректор хохотнул.

– Ольга! У тебя отличная грудь. Да и остальные формы очень даже ничего. Чего смущаться?

Наверное, только сейчас мое полусонное сознание пробудилось окончательно.

Я в панике огляделась вокруг, осознав – в какую угодила переделку. И насколько сейчас далека от Алисы, которая, наверное, ждет посетителей, весточек, передачек.

В груди больно кольнуло, в висках – застучала кровь.

– Проректор Вархар Изилади! – процедила я, выплескивая эмоции возмущенной тирадой. – Прошу вас обращаться ко мне на Вы. И прекратите на меня пялиться! Не то я...

Вархар запрокинул голову и загоготал в голос.

Казалось, даже кусты неподалеку колышутся от его смеха.

– Женщина! – пророкотал сквозь хохот Вархар. – Что ты сделаешь? Попялишься на меня? Давай! Слизняки из вашего мира мне в подметки не годятся! Если же хочешь увидеть меня всего-всего, без прикрас, я и это могу организовать. Только повод дай. Только намекни.

Лицо пылало, уши горели. Зато улетучились тягостные мысли. Их вытеснило бешенство.

Сжав кулаки, я отчеканила:

– Не знаю, что там у вас за мир и каковы там отношения полов. И мне плевать! Ясно? Но со мной так обращаться не смейте!

Сон как рукой сняло. Руки так и чесались одарить Вархара лучшей из своих звонких пощечин. Ничто так не бодрит после бессонной ночи, как варварское обращение и нахальное ухлестывание! Литры кофе рядом не стояли.

Брови Вархара полезли на лоб, словно я сказала что-то или бесконечно смешное, или бесконечно нелепое. Он выдержал небольшую паузу и добил.

– Мне нравится, какая ты боевая. Здесь пригодится. А на меня не злись, – неожиданно добродушно произнес верзила. – Я вообще-то тебе комплимент сделал. Просто ты не по-

няла.

Я набрала в грудь побольше воздуха, собираясь высказать все, что думаю о манерах проректора, его комплиментах и о нем самом. Но Вархар по-акульки улыбнулся, лихо крутанулся на пятках и указал на массивную бронзовую дверь под таким же козырьком.

– Сюда, – скомандовал он и легким движением руки открыл дверь в ладонь толщиной. – Тут все либо из тераскита – камень такой, либо из бронзы высокой пробы, – пояснял, пока я семенила за ним по хорошо освещенному широкому коридору. – Экранирует все энергии. Иначе замок давно взлетел бы к небесам. Кстати, имей в виду. Тут корпус и для преподав, и для аспирантов, и для студентов. Держи ухо востро. Неизвестно, где у кого рванет, где кто с кем подерется на молниях, на огнях, или подожжет что-нибудь. У нас такое сплошь и рядом.

Он перечислял настолько спокойно и безмятежно, словно читал балладу. Шел, помахивая чемоданами, как будто они пустые.

А перед моим внутренним взором вместо студентов и аспирантов стояли василиски, Медузы Горгоны, драконы и всякие другие сказочные чудища.

Возглавлял парад монстров лично Вархар. Кстати, что у него за способности?

Аура проректора напоминала ауру индиго. Те же оттенки, та же форма – с десятков вложенных друг в друга сфер всех

цветов радуги и словно четыре крыла бабочки под лопатками.

На бабочку проректор не тянул совершенно.

По обеим сторонам коридора, высотой с двух Вархаров, тянулись ряды таких же великанских бронзовых дверей.

Вокруг стояла подозрительная тишина, словно всех отсюда давно выселили за красочно описанные проректором «шалости».

– Они на занятиях, – хмыкнул Вархар. – Если что, мотай на ус. Физики здесь преподают свой предмет и заодно учат наше хулиганье управлять электричеством или магнетизмом. Ну, кто и чем владеет сам. Магнетиков и электриков в одном флаконе в мирах Перекрестья – считанные единицы, и у нас их пока нет. Биологи тренируют водников. Математики – воздушников, а географы – камнепадников.

Если он и не читал мысли, то настроение чувствовал лучше некуда. По ауре можно считывать эмоции, улавливать порывы. Придется долго и скрупулезно учиться, но результаты будут ошеломительными.

Но проректор шел впереди, и не оглядывался. Не спиной же он читает ауру!

Хотя кто знает, может именно там у него прячется «третий глаз»? Восточные религии называли его аджна-чакрой. А индиго наконец-то приспособили для пользы дела. Методом проб и ошибок выяснили, что это – одна из немногих точек на теле, откуда можно выстрелить мощным потоком

энергии. У всех нормальных существ аджна-чакра в центре лба. Но Вархар с первого же слова, с первой же «бабы» не показался мне нормальным.

Проректор смачно загоготал.

– Я повелитель света, а свет везде. Ясно? Выключи свет, и я перестану ощущать твои эмоции.

Даже странно, что меня ни капли не удивило то, как он себя титуловал. То ли я безнадежно погрузилась в полудрему, то ли вокруг было столько непонятного, что одним больше, одним меньше, погоды не делало.

Я завертела головой в поисках выключателя, и Вархар загоготал громче.

Коридор казался бесконечным, а измотанность и нервное истощение еще никому не добавляли выносливости. Уже через несколько минут у меня ныло все – начиная от ног и заканчивая шеей. Требовалось срочно отвлечься от жалоб тела. Если бы мозг был канцелярией, они завалили бы его от пола до потолка.

И я постаралась сосредоточиться на антураже.

Сотни белых лампочек, разбросанных по потолку в художественном беспорядке, освещали нам дорогу.

Стены покрывал тонкий слой бежевой краски, с россыпью бронзового крошева. Сквозь нее неровной клеткой проступали стыки плит.

Пол выглядел так же.

Поначалу двери казались одинаковыми. Лишь спустя ка-

кое-то время я заметила – узор, что окаймлял их рамкой, никогда не повторялся.

Вархар остановился, как и прежде – просто застыл на месте, вынудив(ниже есть заставив) меня резко притормозить.

Ни слова не говоря, поднес мою ладонь к ручке двери. Оттуда выскочила игла. Я зажмурилась, ожидая укола, но почувствовала лишь едва уловимое касание. Гогот проректора, который я начинала люто ненавидеть, заставил вздрогнуть и открыть глаза. От такого смеха и заикой стать недолго.

– ДНК считано, – объявил Вархар, вытирая слезы. – Ты что, женщина, уколов боишься?

Я не ответила, толкнула дверь, но та и не собиралась поддаваться. Тогда я еще не знала, что здание Академии безбожно подыгрывает проректору. Гогот Вархара снова разнесся по всему коридору. Мучительный стыд залил щеки жаром, влажные ладони так и хотелось вытереть. Я толкнула дверь еще раз, но она даже не сдвинулась с места.

– Тебе помочь, женщина, или у вас в мире принято иначе? – не уставал веселиться за моей спиной Вархар.

Ну уж нет! Не хватало еще просить его о помощи!

За недолгое время я возненавидела новую работу, нового начальника и новое жилище! Но почему-то и мысли не допускала развернуться на сто восемьдесят градусов и уехать домой.

Странно, непонятно влекло меня к этому месту, к этим существам, один рассказ о чудачествах которых приводил в

неописуемый ужас. Но – самое главное – во мне снова ожила надежда на выздоровление сестры. Если тут все так сказочно, может местные волшебники и впрямь вылечат Алису?

Я уперлась ладонями в дверь, ногами – в пол, и что есть мочи надавила. Дверь нехотя отворилась, словно делала величайшее одолжение. Фуф!

Вархар и не собирался прекращать хохотать.

– Если будет нужна помощь с дверью, только позови, – подмигнул он. И на долю секунды показалось, что правый глаз проректора сверкнул голубизной.

Комната встретила меня не меньшим простором, чем бальные залы Лувра. Я могла пригласить с десятков рестлеров вархаровских габаритов. И они вдоволь поборолись бы на потеху публике, пошвыряли друг друга из угла в угол, ничего не зацепив и не испортив.

Нечеловеческий размах чувствовался не только в площади моего нового жилья. Он чувствовался в каждом предмете обстановки, в каждой мелочи.

Даже в декоративную глиняную вазу возле двери поместились бы два человека. Высоченную, окованную бронзой кровать, рассчитанную на троих Вархаров, похоже, собирали с намеком на мини-бомбоубежище.

Пара шкафов подпирала потолок. Не всякая строительная стремянка доставила бы меня к их верхним полкам.

Письменный стол у окна едва втискивался между стенами. Случись что с кроватью-бомбоубежищем, приспособить его

для сна не составляло труда. На столешнице раскинулись бы две женщины моих габаритов, ничуть не стесняя друг друга.

На каждом из двух кресел не то чтобы расселись, развалились бы не меньше трех человек. На каждом из трех стульев – не меньше двух.

Тонкий, как лист бумаги, монитор компьютера почти загораживал окно. А окно было во всю стену и начиналось где-то на уровне моей талии.

Из ниши шкафа строил мне единственный, квадратный глаз плазменный телевизор. Конечно же, ниша не уступала размерами окну, а телевизор – компьютеру.

Две полупрозрачные двери вели из спальни в ванную и на кухню. Чтобы никто ненароком не заплутал в трех соснах, половину каждой двери закрывала табличка: «Кухня», «Клозет».

Подгоняемая любопытством, я поспешила туда. Вархар сбросил чемоданы рядом со шкафами и тенью ходил следом, беспрестанно заглядывая через плечо. Его горячее дыхание грело затылок и шевелило волосы. Хотя, не исключено, что пряди зашевелились на голове в предвкушении грядущих событий.

К стандартному санузелу прилагалась просторнейшая ванна на три персоны, как минимум. Одна персона моих скромных габаритов могла там даже плавать, а при очень большом желании – еще и нырять.

На квадратной кухне царствовал холодильник цвета ста-

ли – от пола до потолка. Он громоздился справа от входа, отвлекая внимание от гигантской электрической духовки, чуть дальше. В нее без проблем влез бы целый кабан.

Все остальное – гарнитур из черного дерева, стол, посудомойка, раковина, микроволновка и кофе-аппарат – рядом с ними выглядело игрушечным. Разве только четыре комфорки плиты, возле духовки, рассчитанные на ведерную кастрюлю, не меньше, могли сравниться с колоссами размером.

Меня это не удивило ни капли. Наверное, большинство здешних обитателей сродни Вархару и едят соответственно.

Я думала, после экскурсии по новому жилищу проректор уйдет восвояси. Но он и не собирался этого делать. Вольгот-но развалился в кресле, откинулся на спинку и прошелся по мне таким же взглядом, как при первой встрече.

– Вопросы есть? – спросил, то ли усмехаясь, то ли ухмыляясь.

– Нет, могу я отдохнуть с дороги? – казалось, намек был прозрачней некуда. Но Вархар и бровью не повел.

– Отдыхай, – он сделал широкий жест рукой, будто бы говорил: «Тебе, что, места не хватает?».

В замешательстве я присела на край кровати и выжидающе уставилась на проректора. Сказать, чтобы убирался восвояси? Или сам смекнет своей недалекой воинственной башкой?

Вархар запрокинул голову и раскатисто захохотал.

Пикнуть не успела, он подскочил и навис надо мной –

громоздкий и мощный. Послушное солнце очертило фигуру проректора ослепительным нимбом. Ах да! Вархар же повелитель света!

– В холодильнике есть продукты, – сообщил проректор, глядя на меня сверху вниз. – Копченое мясо, сыры, хлеб, отварные овощи.

Он замолчал, продолжая нависать надо мной неминуемой тяжестью. Я поежилась, присаживаясь поглубже и отклоняясь к стене. Вархар хохотнул вновь.

Я почти собралась с духом возмутиться. Но внезапно он в пару шагов пересек расстояние до двери, и, не прощаясь, вышел вон.

Только после этого до меня дошло: я ведь даже не знаю расписания своих занятий! И где кафедра, не знаю тоже!

Я вскочила так резво, что закружилась голова.

– Вархар? – крикнула в дверь без надежды, что он услышит.

Но уже через секунду дверь распахнулась, и великанская фигура проректора загородила собой почти весь проем.

– Уже соскучилась? – акулья улыбка растянула губы Вархара, правая бровь опять приподняла родинки.

– Занятия, – пролепетала я, жалея, что не оббежала весь корпус в поисках расписания. Всю Академию, если понадобится. Все лучше, чем звать Вархара. Особенно если только что ценой нечеловеческих усилий избавилась от его нечеловеческого общества.

– Ах, э-это, – он словно был разочарован. – Вечером пришло к тебе аспиранта с полным расписанием. Кафедра, кстати, прямо над нами, в этом корпусе. Освоишься, будешь руководить и этим общежитием. Еще вопросы?

Я моргала, переваривая услышанное. Вархар оставался в дверях и вновь не спешил уходить.

– Спасибо, буду ждать расписания, – с очередным тонким намеком поблагодарила я.

– Не умеешь ты благодарить, женщина, – разочарованно пожал плечами Вархар. – В моем мире меня бы, как минимум, расцеловали, в губы... Как максимум... – взгляд его полыхнул незнакомым огнем и упал на кровать.

Я непроизвольно съежилась, обхватив себя руками. Проректор нахмурился и нервно сглотнул.

– Ну ты даешь, женщина, – возмутился с порога. – Спи, не то еще чего понапридумываешь, – и хлопнул дверью с другой стороны так, что она жалобно задребезжала.

Я покачалась на кровати. А она ничего! В меру мягкая, в меру упругая – то, что нужно для хорошего сна.

Нехотя привстала, сдернув зеленое покрывало с аляповатыми золотыми цветами. Серое клетчатое шерстяное одеяло в «окошке» пододеяльника обещало уютное тепло. Три пухлые подушки – почти королевские удобства.

Я сбросила туфли, брюки, блузку и забралась под одеяло. С удовольствием раскинула руки и ноги в стороны – размеры кровати позволяли и не такое. Прикрыла глаза и мгно-

венно отключилась.

* * *

Проснулась я уже под вечер. В комнате царил синеватый полумрак, пол лизали узкие языки фонарного света.

Я встала, слегка потянулась для тонуса и направилась к окну. Чтобы выглянуть из него, пришлось улечься на письменный стол. Даже поперек деревянного гиганта я помещалась почти целиком, только стопы свисали.

Прямо напротив оказались три увесистых фонаря, подозрительно похожие на гири. Почему они так низко?

Ах вот оно что! Фонарные столбы взмывали высоко в небо и на уровне каждого третьего этажа корпуса ослепительно сияли такие же светильники.

Окутанный сиреневыми сумерками академический дворик казался еще более сказочным, чем днем. Поразительно, что в Академии есть горячая и холодная вода, если верить разноцветным вентилям над краном в моей ванной, и даже канализация. Очутись я тут случайно, решила бы, что угодила во временную петлю, в какой-нибудь средневековый город.

Где же здесь включается свет?

Я осторожно соскользнула с лакированной столешницы и повнимательней огляделась по сторонам. Ни на стенах, ни возле двери не было и намека на выключатели.

За неимением таковых я зажгла темно-синюю настольную лампу, похожую на громадную лилию. Комнату залил слабый, рассеянный свет. И лишь на столе, под плафоном, расцвели ослепительные голубые лепестки.

В вынужденной полутьме я распаковала чемоданы и наспех покидала вещи в гардероб. Пока посланец Вархара не пришел, надела черную свободную юбку чуть ниже колен и темно-синюю трикотажную блузку.

Днем на Перекрестье пяти миров было тепло, будем надеяться, и вечером сильно не похолодало.

В одном из четырех кухонных шкафчиков спряталась целая батарея коробок с самыми разными чаями – черными, зелеными, белыми. Чистыми и со всякими добавками. М-м-м... одни ароматы чего стоили!

Я нашла ромашковый и заварила. По счастью пухлый белый чайник персон на пятнадцать пристроился на самом виду – на столе от кухонного гарнитура, рядом с металлической мойкой. Бордовый, электрический, литров на десять, если не больше, тоже долго искать не пришлось. Он оккупировал высокую тумбочку, примыкавшую к стене у окна.

А вот с кружками возникла проблема. Я умудрилась расколоть две, прежде чем догадалась, что висят они на невидимых во мраке крючках, справа от мойки. Наверное, нарочно, чтобы пикировать на хозяйку, если той вздумается неудачно открыть шкаф-сушилку, чуть выше и чуть левее.

Пришел эдак полусонным с утречка на кухню. Неловко за-

цепил кружки локтем, и окончательное пробуждение гарантировано! Зарядка тоже: пока соберешь осколки, пока выбросишь в ведро на другом конце кухни, площадью ничуть не меньше спальни... Тут тебе и наклоны, и приседания, и ходьба – все, что нужно физкультурнику спозаранку.

Такие вот фантазии крутились в голове, пока сметала битое стекло громадным веником, чуть ли не с меня ростом. Закончив с внезапной разминкой, я осушила две кружки чая почти залпом. И только тогда в дверь постучали.

– Входите! – крикнула, возвращаясь в комнату.

На пороге мялся длинноволосый детина, чуть поменьше Вархара.

В свободном трикотажном костюме, похожем на тренировочный, непонятного в полумраке цвета, он походил то ли на борца, то ли на легкоатлета.

Хотя, скорее на легкоатлета. Больно уж выпирали скулы, подбородок и нос парня. Борцам слишком выпуклые части лица быстро делают вогнутыми.

– Здравствуйте, – неожиданно мягким, совсем юным голосом произнес он. – Я Максдрагар Лимбра. Все зовут просто Драгаром. Во-о! – Вытащил из кармана сложенный вчетверо листок и протянул мне.

Слава богу, хоть тут все обошлось без сюрпризов.

Три дня в неделю я читала лекции по физике и один день вела практические занятия. Я-то уже испугалась, что предстоит читать «теорию огненного дыхания», или «методику

сжигания электроприборов», или что-то в таком роде.

– Пойдемте?

Я не сразу сообразила, зачем парень приглашает меня в коридор.

– Ой, – спохватился он. – Я, надеюсь, вы возьмете меня в аспирантуру? Очень хотел попасть к земному индиго. Говорят, вы читаете ауры и можете безо всякого махалова одним аджнаподавлением вырубить противника. Это правда?

– Правда, – нехотя подтвердила я. – Покажешь мне кафедру? Меня зовут Ольга Искандеровна, кстати.

– Знаю-знаю, – горячо выпалил Драгар. – Я читал ваше досье.

На этом слове я замерла в дверях и уставилась на Драгара.

– Ой, ну вы не знали? – смутился он, пряча глаза. – Ректор собирает досье на всех преподав. А потом вывешивает самые интересные факты их биографии на доске объявлений. Она в главном корпусе, прямо у входа. Ах да! Еще списки способностей вывешивает... Учащимся и другим преподам для ознакомления.

– Не знала, – только и смогла промямлить я. Интересно, что там еще про меня «вывесили»? Оставалось лишь уповать на то, что это не подробности сокрушительных фиаско в личной жизни. Отношения с мужчинами у меня не складывались категорически. Приходилось все время скрывать способности, контролировать каждую эмоцию, каждый порыв. И, конечно же, спустя недолгое время, наступало «эмо-

циональное выгорание», отторжение. К своему «преклонному возрасту» я не обзавелась ни мужем, ни детьми, делила одиночество с сестрой и компьютером.

– Ой, – забавно вплеснул руками Драгар. – А вы чего в темноте-то?

– Не пойму, как у вас тут свет включается, – смущенно призналась я, радуясь, что в потемках он не видит, как покраснелось мое лицо.

– А-а-а... – протянул Драгар. – Так во же!

Он трижды хлопнул в ладоши, и комнату залил ровный золотисто-белый свет.

– Если хотите поярче – четыре хлопка, – радостно пояснил парень. – Один хлопок – будет еле заметный рассеянный свет.

– Спасибо!

Я оглянулась, пытаюсь отыскать на потолке или стенах хотя бы намек на лампочку или люстру.

– Свет идет сквозь плиты, – после недолгой паузы пояснил Драгар. – И он полностью соответствует солнечному.

Теперь я хорошо разглядела лицо парня.

Темно-серые глаза отливали зеленым. По носу и щекам рассыпались веснушки, а сами щеки цвели трогательным розовым румянцем. Драгар походил на мужчину и мальчика одновременно. Ямочка на подбородке усиливала впечатление.

– Идем? – предложил он снова. Не предупреждая, дважды

хлопнул в ладоши – свет мигнул и выключился.

А я-то, склеротик, совершенно забыла спросить, как это делается. Так и спала бы при свете, если вообще ухитрилась бы уснуть. Не ломиться же посреди ночи к соседям-студентам или преподам с милейшей улыбкой и глупейшим вопросом. Не самый удачный способ заработать уважение, скорее уж – снискать репутацию городской сумасшедшей.

Мы вышли в знакомый коридор. Только теперь он не казался таким подозрительно безлюдным и сиротливым. Скорее уж наоборот – требовались немалые усилия, чтобы лавировать в бурном потоке студентов и преподав.

Я закусила губу, изо всех сил стараясь не разглядывать окружающих. А разглядывать хотелось очень и очень.

Драгар интеллигентностью не страдал. Напротив, он бесшабашно тыкал в толпу, выбирая ближайших к нам представителей местных рас. И, не обращая внимания на их реакцию, щедро делился знаниями. Казалось, перед нами не живые существа, а так, музейные экспонаты.

– Истлы, – обеими руками указал Драгар на двух высоких и поджарых людей-львов. Они надеялись благополучно обогнуть нас. Но не тут-то было. Густая грива истлов встала дыбом, а вслед за ней вздыбились и пышные бакенбарды. Парни поприветствовали Драгара хищными оскалами, демонстрируя острые как бритвы клыки. И нервно постучали по сумкам синеватыми когтями.

Но мой спутник будто бы ничего и не заметил.

– Таллины. Магию излучают всем телом. Могут током пульнуть даже из зад... ой... из ноги, – хохотнул Драгар, бесцеремонно тыча пальцем в пятерых существ, которых я заметила бы и без него.

Похожие на человекообразные деревья, со светлой кожей и темной, они грациозно отклонились, словно из указующего перста скандра выстрелил лазер. Самого разного роста и комплекции, таллины излучали «дубовую» силу и такое же спокойствие. Хотя очень скоро я поняла, что это впечатление обманчиво, и таллины – те еще истерики.

Пока же они просто прибавили шаг, отчего высокие хвосты, словно собранные из тончайших металлических нитей, закачались как маятники. А свободные туники и мешковатые брюки из очень тонкой материи взвились, как от порыва ветра.

– Леплеры, – продолжал между тем Драгар, смешно держа руками в сторону четырех ребят, ужасно похожих на гномов с лицами эльфов. – Очень сильные магнетики и электрики. Правда, размером с полвоина.

Все четыре «полвоина», ростом примерно с меня, очень недружелюбно поморщились и посмотрели на Драгара снизу вверх. Да так, что я начала опасаться – не вспыхнет ли парень, как факел.

Но леплеры гордо отвернулись и устремились прочь, громя ботинками с сотнями металлических клепок, пряжками нескольких ремней и массивными браслетами. На каж-

дой руке ребят их было штук по пять, не меньше. Эти люди-праздники выделялись из толпы, невзирая на рост. Еще никогда не встречала я столь пестро одетых существ. При этом леплеры умудрялись вырядиться так, что цвет узора на рубашках, оттенки брюк, ремней и даже пряжек совершенно не сочетались друг с другом. Талант, не иначе.

Еще больше напоминали эльфов, только без их знаменитых, остроконечных ушей, сальфы. Худощавые, с утонченными чертами лица – настолько, что ребята показались мне слишком женоподобными – они двигались плавно и текуче, когда рядом не было скандров или мрагулов. Как только студенты этих рас появлялись на горизонте, сальфы немедленно теряли свою величавую неспешность и демонстрировали невиданную прыть. Про них Драгар пренебрежительно обронил:

– Самые слабые боевые единицы. Неженки и чистоплюи.

Четверо «неженков и чистоплюев» презрительно фыркнули в сторону Драгара. Стряхнули несуществующие пылинки с шелковых рубашек и брюк и гордо зашагали дальше.

– Мрагулы и скандры. Скандры, если что – наши с Вархаром сородичи. Мрагулы были бы почти такими же крутыми мужчинами и воинами, как скандры. Если бы не одевались как бабы, – и Драгар ткнул пальцем в их шорты-юбки, похожие на шотландки. Они очень странно выглядели в сочетании с самыми что ни на есть обычными футболками приглушенных тонов.

Троица бледных мрагулов с серыми и зелеными глазами откровенно пригрозила Драгару кулачищами, размером с боксерскую перчатку. И меня это совсем не удивило. Даже самые высокие и крепкие истлы ни ростом, ни статью не могли сравниться с мрагулами и скандрами. Про остальные расы я вообще молчу.

Драгар обратил на угрозы не больше внимания, чем я – на муху, пролетевшую за окном.

Оставив в стороне выход из корпуса, мы свернули в глухой тупик.

Парень немного поводил у стены рукой так, как водят перед лицом человека, предполагая, что он слегка не в себе. Но стена оказалась очень даже вменяемой и на редкость послушной. Фальшивая каменная кладка уехала вверх, освободив двери, на первый взгляд, вполне обычной лифтовой кабинки.

Они гостеприимно распахнулись, и... мы вошли в просторную комнату. Вдоль стен выстроились стулья, тонко намекая, что поездка может «слегка» затянуться.

Последняя кнопка бронзового лифтового пульта висела как раз на уровне моих глаз. Остальные, конечно же, выше. Но гораздо сильнее потрясало другое.

На верхней кнопке значилась цифра триста, хотя снаружи казалось – в замке не больше четырех этажей. Максимум шесть, если считать подвал и чердак.

Драгар нажал кнопку с ажурной десяткой – до нее даже я

могла дотянуться, не подпрыгивая и не вставая на стул.

Лифт бесшумно взмыл вверх с почти самолетной скоростью.

Минуты не прошло, как кабинка резко остановилась, и я ухватилась за ближайший стул, чтобы удержаться на ногах. Двери распахнулись, и мы с Драгаром вышли в пустынный коридор. Светлый настолько, что перед глазами заплясали кружочки. Просторный настолько, что несколько десятков скандров легко смогли бы водить тут хороводы.

На бронзовой двери в конце коридора висела громадная табличка с надписью:

«Кафедра управления энергией огня и подвластных ему стихий»

Крошечные огоньки на рамке двери сплетались в невообразимые узоры.

* * *

После обхода кафедральных помещений бодрость и любопытство как рукой сняло. Четыре лаборатории, десять лекционных аудиторий, тридцать преподавательских, по площади сравнимых разве что с залом консерватории... Мои бедные ватные ноги гудели и ныли.

Драгар сопровождал меня всюду. Галантно открывал две-

ри, в красках и деталях объяснял все, что спрашивала, а заодно и то, о чем не спрашивала. Похоже, он чувствовал себя тут как рыба в воде, и без устали фонтанировал не только информацией, но и энергией. Если бы энтузиазм превращался в электричество, Драгар обеспечил бы светом все корпуса Академии.

– На кафедре тридцать два препода, семь лаборантов, пять техников, две уборщицы и... – Парень поднял глаза к потолку, то ли подсчитывая, то ли припоминая. Тогда я еще не знала, что скандра, умеющего считать до тридцати, можно смело награждать докторской степенью. – Кажется, человек двадцать аспирантов. Но это вам лучше скажут препода. Назначите заседание и потребуйте отчеты. Кстати, проректор Вархар Изилади сидит на этом же этаже, через стенку, – не слишком оптимистично добавил Драгар.

Помяни черта, и он появится.

– Смотрю, у вас тут экскурсия в самом разгаре? – Вархар, собственной персоной, уже возвышался посреди холла кафедры и прожигал меня взглядом, привычно приподняв бровь с родинками.

Один его глаз светился голубым, и мне стало совсем не по себе. Он не бликовал, а именно светился мерным густо-голубым светом.

– Добрый вечер, проректор, – тон Драгара лучше всяких слов говорил, что встреча обрадовала его не больше, чем меня.

Вархар приблизился. Неторопливо обошел меня, уделив внимание ногам, ягодицам, груди, и, как на грех, распушенным волосам. Длинные пряди разметались по спине в художественном беспорядке.

– Смотрю, ты неплохо отдохнула и выспалась, – резюмировал свои наблюдения проректор.

– Мы уже закончили, – ответила я невпопад. – И планируем уходить.

Вархар покачал головой и подошел вплотную. Теперь нас разделяло расстояние не больше двух ладоней, и сердце совсем некстати пропустило удар. Слегка наклонившись, проректор навис надо мной, как еще недавно, в спальне, и произнес, внезапно перейдя на «вы»:

– Неужели вы откажете мне в прогулке по Академическому саду? Я хотел показать вам столовую и заодно поужинать.

– Благодарю. Я поем в комнате. В холодильнике еды хватит на месяц или даже на два, – я постаралась придать тону побольше бескомпромиссности. – Инфополе сообщило, что она еще два месяца будет как свежая. Да и ноги устали.

– Настолько устали, что не в состоянии пройти несколько метров? – Бровь Вархара все еще удерживала родинки на лбу, а глаза снова стали одинакового цвета. Взгляд проректора, казалось, пронзал меня насквозь. Я поежилась, сердце снова пропустило удар и вдруг забилось как ошалелое.

– Я очень устала, – процедила сквозь зубы. – Судя по расписанию, рабочий день у вас заканчивается в пять вечера. А

сейчас, — я кивнула в сторону допотопных белых ходиков на стене, — уже девять стукнуло. Поэтому прошу извинить, но я иду в свою комнату.

Я обогнула Вархара — он и не думал двигаться с места — и рванула к двери.

Но тут случилось такое, что я забыла и про сон, и про то, какой же проректор нахал. Забыла бы и свое имя, если бы светопредставление затянулось подольше.

Раздался хлопок, потом грохот, от которого у меня заложило уши и зазвенело в голове. Здание вздрогнуло, как живое. Оконные стекла зазвенели, подскочил пол.

Скандры уставились в окно — синхронно повернули головы, как заводные куклы. Я последовала их примеру и ошалела еще сильнее.

Душа ушла в пятки, сердце забилося где-то в горле, а мозг отказывался верить увиденному. Я открывала рот, но слова застревали в глотке.

Стройную башню соседнего корпуса срезало невидимой силой, как украшение с торта.

Она покосилась и собиралась рухнуть вниз. Но тут раздался взрыв.

Из-под башни взметнулись языки пламени, и она как ракета полетела в нашу сторону.

Я дернулась и застыла, не в силах ни убежать, ни позвать на помощь. Одеревеневший язык не ворочался.

Башня нацелилась в окно и, судя по всему, планировала

навести свой порядок на кафедре.

Когда перед стеклом появился остроконечный пик, я замурилась, ожидая худшего. Но... Ничего не случилось.

Я приоткрыла один глаз, другой и... обомлела. Думала, после всего случившегося удивить меня – неподъемная задача. Но я еще не знала, что Вархару и не такие чудеса по плечу.

Он каменным колоссом высился посреди аудитории, широко расставив ноги и выбросив вперед руку. Из ладони проректора выстреливал густой поток света и расправлялся в огромный, плоский прямоугольник. Световая преграда загрозила окно и ближайшие стены аудитории. Башня же ухнула вниз, похоже, отразившись от неожиданного препятствия.

Вначале я не поняла – почему Вархар не убирает световую преграду.

Но тут гроыхнуло снова. По счастью, мои уши заложило еще во время первого грохота. И теперь они уже ни на что не реагировали.

Здание опять подскочило и задрожало. Оконные стекла дружно зазвенели. Пол заходил ходуном и неприятно завибрировал под ногами.

Башня взорвалась и распалась на сотни кусков. Черный дым за клубился в воздухе. Горящие ошметки и булыжники полетели во все стороны. Они барабанили в световую стену, как град в окна, и отскакивали мячиками.

Я наблюдала все будто во сне, как в замедленной съемке...

В шоке и ужасе... Не веря своим глазам.

Драгар поглядывал на Вархара с благодарностью и раздражением одновременно.

Сам же проректор оставался таким спокойным, словно шел по пляжу и наслаждался умиротворяющим плеском волн...

Не помню, сколько прошло времени. Но когда град камней и сгустков пламени стих, а световая преграда исчезла, Вархар, как ни в чем ни бывало, предложил:

– Ну что ж, Ольга. Не можешь прогуляться, так не можешь. Тогда провожу тебя до жилища.

До лифта я дошагала на ватных ногах, так и не выходя из затыжного шока.

Сердце бешено стучало в ушах, холод спазмом скрутил желудок.

Вархар осторожно подтолкнул в кабинку, вошел сам и быстро нажал кнопку первого этажа. Двери лифта прижали Драгара так, что лицо его приплюснулось, а руки, которые парень предусмотрительно сунул в кабинку первыми, побелели.

– Ой. Про тебя-то я и забыл, – хохотнул Вархар.

В ступоре я едва сообразила, что нужно нажать кнопку остановки. Драгар одарил меня благодарным взглядом, Вархара – взглядом саблезубого тигра на охоте, и торжественно вошел в кабинку.

– Да ладно тебе, Оля, – неожиданно почти ласково произнес проректор. Бесцеремонно отодвинув Драгара одной рукой, Вархар приблизился вплотную и склонился к моему лицу. У меня же не было ни моральных, ни физических сил что-то говорить или делать. Как марионетка, я подняла на проректора глаза и позволила ему взять себя за подбородок.

– Ну во-от! – возмутился Вархар. – Было бы из-за чего так пугаться. Это крипсы. Зеленые великаны расхулиганились. Приструним, не бойся! Так, что только пятки сверкать бу-

дут! Не впервой, как-никак.

В этот момент передо мной сверкнули не пятки крипсов – акулья улыбка Вархар. Но потрясло вовсе не это.

Я открыла рот, чтобы задать вопрос, но выдавить смогла лишь жалобный стон.

Крипсы. Зеленые великаны... Алиса!

В голове царил жуткий хаос. Мысли путались. В каком-то шоке, ступоре слушала я о том, что Алиса никакая не сумасшедшая. Вернее, сумасшедшая, но совсем не такая, как я думала.

– Твою сестру и других землянок похищали крипсы. Раса такая. Они большие, лысые и зеленые. В общем, красавцы писанные, – Вархар гоготнул, но, взглянув в мое растерянное лицо, резко прервался и продолжил: – Езенграс не зря говорил, что поможет. Никто не знает о том, что случилось с твоей сестрой больше, чем наш старик-ректор.

Лифт остановился, и Вархар подтолкнул меня к выходу. Ноги не слушались, а в ушах все еще звучали его слова: «Твою сестру похищали... крипсы».

Воспользовавшись моим замешательством, Вархар приобнял за талию и принялся рассказывать дальше, старательно отодвигая Драгара другой рукой. Парень пыхтел, сопел и бормотал под нос явно не поэмы Лермонтова.

– Наша Академия обучает воинов. – Вархар рассказывал об этом так, как рассказывает историк о быте и культуре древних цивилизаций. Увлеченно, но без сильных эмоций. –

Одни остаются тут и охраняют здешний форпост на границе миров. Другие – идут в свои миры и там работают в спецслужбах – контролируют таких, как мы. Сильных магически существ. Они не все добрые, сама понимаешь. – Вархар улыбнулся, но меня не проняло. – Наша задача, чтобы маги не пытались завоевать чужие миры. Особенно это касается таких миров, как твой. Где почти нет своих магов, и способностями они владеют еле-еле.

Даже на этом сомнительном комплименте я не пришла в себя, продолжая в полнейшем оцепенении слушать проректора.

– С крипсами история отдельная. Их женщины после какой-то там эпидемии детей выносить не могут. Вот крипсы и нашли решение. Похищают землянок и внедряют в них свои эмбрионы. Чтобы пленницы благополучно доносили и не случилось выкидыша, постоянно пичкают собственной аурой. Вот именно из-за нее землянки и сходят с ума. Как твоя сестра. И наши медики вовсю занимаются тем, чтобы научиться обращать процесс вспять. Потому что – заметь – мы знаем причину болезни! А это уже шаг к ее излечению.

В каком-то тумане слушала я последний монолог Вархара, а перед глазами стояла Алиса. Маленькая, забитая, несчастная Алиса.

...Она съежилась на жестком деревянном стуле в многолюдном полицейском участке, раскачивалась из стороны в сторону, всхлипывала и бормотала:

– Больно... как больно... Зеленые великаны... Они... Я носила их ребенка. Зеленые великаны... они... больно. Больно!

Усталый полицейский с пивным брюшком и осоловевшими глазами протянул мне документы и с сомнением уточнил.

– Вы уверены, что хотите забрать ее домой? То есть, мы можем отправить ее в лечебницу для невест зеленых великанов. Подумайте...

– Оля! Оля! – Вархар потряс меня за плечи.

Зрение сфокусировалось, и я обнаружила, что мы стоим возле корпуса.

От ближайших квадратных кустов упоительно пахло свежестриженной зеленью. Легкий ветерок осторожно перебирал мои волосы.

На дворе совсем стемнело.

Гири фонарей над головой разливали широкие конусы яркого света. Их рассекали неровные желтоватые и голубоватые лучи из окон общежития.

Жирные ночные мотыльки, в веселой компании мошкары, кружили внутри световых пятен, то и дело устремляясь к раскаленному стеклу фонарей.

Вокруг было тихо-тихо. Только где-то вдалеке чирикали птицы, да стрекотали в траве кузнечики.

Проректор стоял совсем близко. Одна рука его бесцеремонно лежала на моей талии, а другая – на плече.

– Я? Вы? Где мы? – я потрясла головой, стараясь привести

себя в чувство.

– Ты слегка обалдела от новостей, и я вывел тебя на улицу, подышать свежим воздухом. Он всегда мозги прочищает, – мягко ответил Вархар. – Прогуляемся? – предложил с кривой ухмылкой, и рука его начала спускаться с талии к бедру.

Возмущение закипело мгновенно, обожгло щеки и уши.

Вот нахал! Только немного дашь слабинку – и он тут как тут!

Я отскочила, метнулась к дверям общежития и суматошно бросила через плечо:

– Ничего подобного! И прошу больше так ко мне не прикасаться!

– А твое тело еще недавно просило другого! Уж в чем, в чем, а в этом я понимаю! – полетело мне вслед вместе с хохотом проректора. И казалось, от его взгляда спина вот-вот запылает синим пламенем.

* * *

Коридор приветствовал криками и визгом, переходящими в ультразвук. Такого я уж точно не ожидала от здешних бугаев-студентов.

В конце коридора, в тупике, столпился народ. Я бросилась туда, и уже на середине пути в нос ударил противный запах гари. Над головой пролетела молния, вторая, третья. Я вспомнила древний мультфильм про поросенка Фунтика, его

героя, над чьей головой свистели сначала пули, а после и сапоги, и поняла, что сама себе завидую.

Я никогда не управляла молниями, только электроприборами. Да и то не столько управляла, сколько сжигала подчистую.

Но сейчас, не задумываясь, подняла руку вверх, и молнии послушно замерли в воздухе, словно замороженные. Чудеса, да и только!

Как можно более уверенной поступью подошла я к разношерстной толпе студентов и прокричала:

– А ну разойдись!

Надо сказать, навыки командования оравой пьяной от опасности и близкой потасовки молодежи, я еще не растеряла.

Студенты нехотя расступились, открыв взгляду «виновников торжества».

Уже лучше. За высоченными спинами «передних рядов» публики я не разглядела бы задир даже в прыжке.

Трое мрагулов, в синих юбках-шортах в белую полоску, замахивались друг на друга шаровыми молниями.

А ведь еще день назад я такое только в кино и видела. И, что удивительно, воспринималось происходящее так, будто нет ничего более естественного, чем три здоровенных лба с молниями наперевес.

– Сказал ведь – держаться от Скринга подальше? А?! – вопил один из них. – Такой сильный, что обижаешь слабых?

Или такой глухой?!

– Я и сам могу за себя постоять! – перебил его «слабый», лишь слегка ниже ростом, чем двое других, и немного уже в плечах.

Габаритами мрагулы почти не отличались от Драгара, хотя Вархару уступали заметно. Их русые волосы были собраны в низкие хвосты, а глаза казались слишком светлыми, почти белесыми. Бледная кожа выглядела хуже некуда – россыпь веснушек, прыщи, щербинки испещряли ее вдоль и поперек.

А что, тут кремы и гели от прыщей не в ходу? Наверное, Вархар счел их «бабскими средствами» и запретил во веки веков. С него станется.

– А ну прекратить хулиганить! – приказала я, все больше сама себе удивляясь. Сердце глухо ударилось о грудную клетку. Что, если они не послушают? Что, если поднимут на смех?

В меня вонзились десятки пытливых взглядов. Скандры и мрагулы в едином порыве скрестили руки на груди и широко расставили ноги, будто готовились оказать достойное сопротивление лектору-выскочке. Таллины вытянулись и застыли, словно и впрямь пустили корни. Истлы, напротив, ссутулились, как хищники перед броском. Только оскалов и не хватало. Леплеры следили за всеми снизу вверх, почти синхронно поворачивая головы. Сальфов среди зевак не обнаружилось.

Галдеж постепенно смолк.

Положение было отчаянным для всех. И для меня ничуть не меньше, чем для студентов.

Все уважение ко мне, как к преподавателю, как к главе общежития, вылетит в трубу, если не оседлаю ситуацию. И никакими контрмерами – наказаниями, колами, пересдачами – его не вернуть.

– Новенькая преподша, – ухмыльнулся мрагул, только что обвиненный в нападении на слабых. Его кивок на уважительный смахивал не больше, чем крокодил на черепаху.

– Да, новенькая, – уперла я руки в бока, стараясь выглядеть внушительней. Трудно держать марку, когда вокруг одни Муромцы, Поповичи, дубы и воинственные гномы.

– А ты ниче, – добавил нахал, смерив меня взглядом под стать вархаровскому. У них это, похоже, тут общее, в Академии-то. Такое ощущение, что ничему другому здесь и не учат.

– Я тебе сейчас покажу «ниче»! – вспыхнула я, ответив хулигану как можно более суровым взглядом. – И погасите-ка свои шарики! Огонь детям не игрушка!

Мрагул усмехнулся и вразвалочку шагнул навстречу, лихо перебрасывая молнию из руки в руку, как мячик на физкультуре.

Гнев накрутил мой пульс до невиданных высот, воздух распирает грудь. Да что ж такое-то? Ладно, Вархар меня не уважает, да и, судя по всему, уже не будет. Варвар, чего с него

взять, кроме искусства раздевать взглядом? Но этим молодкососам я так с собой обращаться не позволю!

Сообразить не успела, как одна из «замороженных» мною молний ударила в пол, у самых сапог мрагула, а следом вторая и третья. Парня обдало искрами с ног до головы, струйка серого дыма окутала его до колен. Мрагул закашлялся и нервно отскочил, не разбирая дороги. Выронил огненный шарик и натолкнулся на двух других спорщиков. Их «не игрушки» тоже покатались по полу, и тот запылал.

Вернее, не совсем так. Запылали стыки камней, пламя поползло в мою сторону, очерчивая глыбы красивыми протуберанцами. Таллины и истлы принялись шарахаться туда-сюда, натыкаясь друг на друга. Где-то внизу копошились поваленные леплеры – верзилы перестали смотреть под ноги.

Мрагулы со скандрами лихо перепрыгивали через низкорослых крепышей, ловко огибали остальных и нарезали круги, натыкаясь на стены.

Вместо улюлюканья и восторженного подстрекания коридор наполнился воплями ужаса.

Ахнуть не успела, как языки пламени взвились на высоту человеческого роста, отрезав половину ребят от выхода.

Хорошо же начался мой первый рабочий день!

Я огляделась вокруг. Черт! Я же заведующий кафедры, в названии которой есть слово огонь. Но управлять огнем я не умею, максимум – что-нибудь поджечь. Да и то не по заказу. Никак не затушить.

Пламя зашипело, лизнуло языками стены и радостно взлетело по ним, все больше захватывая студентов в плен.

Запах гари становился невыносимым, удушливый дым разъедал глаза. Я прикрыла рот и нос рукавом и огляделась в поисках обычного для учебных корпусов огнетушителя. Но его нигде не было. Вот тебе и техника безопасности! Да с такими студентами огнетушители тут должны висеть как шары на новогодней елке!

Черт! Что же делать? Может, все это сон? Надежда растаяла, а вот дым и не собирался этого делать. В мгновение ока в черно-сером тумане пропали ближайшие стены, вокруг закашлялись невидимые в нем студенты. Скрипучими головами бранились таллины, рычали скандры и мрагулы, заглушая истлов. Громыхали, как несмазанные телеги, леплеры, издавая лишь нечленораздельные звуки.

Я поспешно закрыла рот рукавом, но это не помогло. То ли дым отличался особой едкостью, то ли ткань моей одежды потеряла все земные свойства, но каркающий кашель вырвался из горла.

Слезы хлынули из глаз, голова закружилась. Заходясь кашлем, я судорожно прикидывала, что бы предпринять. И тут меня в буквальном смысле слова схватили за шкурку, закинули на плечо и вынесли наружу.

Судя по трехэтажным чертыханиям низким, бархатистым голосом, спасителем оказался Вархар.

Поставив меня на плиты академического дворика и успев

при этом зашупать где только можно и даже там где нельзя, проректор бросился в корпус.

И я, может, осталась бы снаружи, с упоением вдыхая свежий воздух, напоенный пряным ароматом цветочного нектара. Но уже в дверях Вархар рывкнул:

– Стой тут, женщина! И не вздумай вернуться, пока не разрешу!

Это распоряжение, в нерабочее время, возымело совершенно обратный эффект.

Все эмансипированные древними феминистками гены проснулись во мне со страшной силой. И, как часто водится у женщин, толкнули на необдуманные, глупые поступки, которые преспокойненько можно было доверить такому настоящему мужчине, как Вархар.

Я втянула побольше воздуха, закрыла рот рукой и рванула назад, в дым, гарь и смрад.

Зрелище, которое встретило меня в корпусе, забыть удалось не скоро.

Вархар возвышался посреди коридора, широко расставив ноги. В руках его был невесть откуда взявшийся шланг, толщиной не меньше руки проректора. Вода выстреливала из него под таким напором, что разлеталась в стороны фонтаном, легко накрывая и стены, и пол, и студентов. Мокрые, как курицы, они ежились под мощной струей. «Везунчики» поскальзывались, падали и оставались лежать, не в силах подняться в мощном потоке.

В тщетной попытке выползти из водяного плена, истлы скребли острыми когтями по камням пола. Таллины скрежета-ли по ним ладонями – только сейчас я заметила, что ру-ки их сплошняком покрывали наросты, похожие на сучки, а ногтей не было вовсе. Леплеры катались в потоке как мячи-ки. А мрагулы и скандры отчаянно подсакивали на четве-реньках, как огромные коты, силясь перемахнуть через мощ-ные струи. Но чаще всего случался «недолет», и ребята рас-пластывались снова.

Вархар продолжал поливать коридор, хотя огонь давно угас, а дым куда-то испарился. Кажется, проректор получал от этого ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Может, хватит уже? – спросила я в спину Вархара.

– Я тебе что сказал, женщина? – громыхнул проректор.

– А я тебе вот что скажу, мужчина! Хватит поливать сту-дентов! Отпусти их сушиться. Нарушителей я видела, и на-казание придумаю завтра.

Мой ответ удивил не только Вархара. Несколько мрагулов и скандров присвистнули и оглядели меня с ног до головы так, словно не сделали это всего несколько минут назад.

Похоже, то были немые похвалы, в стиле «ты растешь в моих глазах».

Правда, у меня складывалось странное впечатление, что в их глазах я росла не только вверх. Грудь уделялось не мень-ше внимания, нежели макушке. Чего уж говорить о ягоди-цах...

В коридоре повисла напряженная тишина. Вархар молчал, не прекращая поливать студентов и лишая их шанса выбраться из сногшибательного, в прямом смысле слова, потока. Я поспешно прикидывала, что бы такое выдать, чтобы проректор прекратил истязать ребят. Студенты переводили взгляды с меня на Вархара, и в глазах их читался ну просто суеверный трепет. На ногах оставались уже лишь несколько леплеров. Низкорослые крепыши бешено выпучили глаза и раскачивались как неваляшки, с трудом удерживая равновесие.

– Ты прекратишь или нет? Как маленький, ей-Богу! А еще воин, проректор, наконец, – попыталась я осадить Вархара снова. – В детстве в водные бои не наигрался, что ли?

Он только хохотнул в ответ. Пошире расставил ноги, и поток воды так ускорился, что, спустя считанные мгновения, уже все студенты распластались на полу. Скандры и мрагулы пытались на четвереньках перебраться через тела сокурсников, не стесняясь наступать на головы, лица и другие части тела. Таллины катались бревнами, леплеры – мячиками. Истлы пытались ползти, цепляясь за пол когтями. Бррр... Аж мурашки бежали по телу.

Я думала, что опять пополню лексикон массой новых и не совсем цензурных слов. Но в присутствии Вархара на студентов резко напала интеллигентность. Истлы, мрагулы и скандры рычали, таллины – скрипели, леплеры – басисто ойкали. Проректор же только удовлетворенно хмыкал.

Это был вызов, и я приняла его. Не успела подумать, как в воздухе возникла молния. Не такая, какими баловались мрагулы, и не такая, что рассекает небо в грозовой день. Формой она напоминала настоящий двуручный меч, и он медленно опускался в мою ладонь. Еще вчера я сказала бы, что огненный клинок испепелит руку и больницы не миновать. Сегодня же смело схватила меч за рукоять и направила острие в мощную шею Вархара.

– Либо ты прекращаешь, либо моли свой свет, чтобы я тебя не сожгла, – предупредила на полном серьезе.

Вархар тряхнул шланг, и фонтан иссяк как по мановению волшебной палочки.

Студенты расползлись по комнатам. Вот именно расползлись. Ходить по скользкому полу было опасно для жизни. Вархар ловко крутанулся на пятках. В ожидании худшего, я перехватила меч обеими руками и отступила. Но проректор по-акульки улыбнулся и захохотал.

– А ты молодец, Ольга. Прошла первую проверочку на вшивость, – произнес он, увернулся от огненного клинка быстрее, чем я среагировала, приблизился и легонько шлепнул по пятой точке.

Сердце подскочило к горлу, возмущение выплеснулось наружу нечленораздельным визгом. Я подпрыгнула, взмахнула мечом и, снова приставив его к шее проректора, отчеканила:

– А ты, варвар невоспитанный, никогда больше не смей

меня лапать! И разглядывать, как жаркое на вертеле!

Вархар ловко ушел от клинка вновь. Глазом не успела моргнуть, как он очутился сбоку. На секунду показалось – мое положение безнадежно. Проректор двигался на редкость быстро, ловко и будто бы предугадывал каждый мой шаг. Я попыталась еще дважды замахнуться на него. Но Вархар уклонялся прежде, чем клинок приближался на расстояние вытянутой руки. Черт!

Я устала до ноющей боли во всем теле. Запах иссяк, как вода из проректорского шланга-пушки. А вместе с ним иссякло, похоже, и мое электричество. Меч мигнул несколько раз на прощанье, ярко вспыхнул и исчез.

Я в ужасе подняла глаза на Вархара. Теперь я была безоружна, едва держалась на ногах и, значит, целиком и полностью оказалась в его варварской власти.

Но проректор бросил косой взгляд и по-мальчишески задорно ухмыльнулся. Не двигаясь с места, как ни в чем ни бывало, принялся накручивать шланг на руку, сдавливая его так, чтобы «рулон» получался поменьше. Покосился на меня, приподнял уголки губ и неожиданно дружелюбно произнес:

– Принято. А ты молодец! Не даешь себя в обиду. Не заискиваешь и телесами начальника не умасливаешь. Ты мне все больше нравишься, Ольга.

На этой ноте, Вархар развернулся и весело насвистывая, ушел из корпуса, унося за собой длинную анаконду черного

шланга. И где он только его раздобыл?

* * *

Я с надеждой подумала, что, может быть, теперь удастся передохнуть, поесть, в конце-то концов. Желудок, презрев все правила приличия и лекторского этикета, зазывно заурчал от мыслей об ужине.

Я осторожно зашагала по скользким плитам. Десятки взглядов впились в тело из приоткрытых дверей. Мелкие засранцы следили – не навернется ли новый препод всем на радость.

Ох уж эти подростки! Злобность и нечуткость – их второе имя. А ведь сами-то ранимые и нежные, как аленький цветочек.

Слегка высмеешь – вывалится гора комплексов. Чуть намекнешь на несовершенства внешности – огрызнутся, и бросятся есть, пить, мазаться всякой гадостью, чтобы похорошеть. Повезет, если не сядут на диету – три крошки хлеба на день и два литра воды на ночь. Или не примутся смачивать лицо в водке, настоящей на уксусе и лимонной кислоте.

Ноги предательски елозили по влажным камням. В груди закипала злость. От спасительной двери меня отделял всего десяток-другой шагов! Но торопливость грозила полетом на пол, под улюлюканье и гогот студентов. Что-то подсказывало – такая разрядка после пережитого благодаря огню и Вар-

хару им сейчас нужнее воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.